

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Т. Ю. Черкашина

Личные доходы супругов в структуре бюджетов российских семей в 1990–2010-е гг.

ЧЕРКАШИНА Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Адрес: Россия, 630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17.

Заведующая кафедрой общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 3338.

Email: touch@nsu.ru

В статье представлена динамика структуры бюджетов российских домохозяйств, отличающихся соотношением вкладов личных доходов супругов и надындивидуальных доходов. Экономические отношения в супружеских домохозяйствах рассматриваются в макроэкономическом и социальном контексте 1990–2010-х гг. Расчёты, выполненные на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (2004–2016 гг.), показывают, что за это время до 82–83% увеличивается доля супружеских домохозяйств «с двумя доходами»; сокращаются масштабы единоличного финансового лидерства в семье как мужчин, так и женщин, но за счёт увеличения численности женщин, сочетающих занятость с получением пенсий, растёт доля семей, в которых из двух личных доходов выше доходы женщины. Макроэкономические условия отражаются на уровне бюджетов семей. Наихудшая ситуация была в 1996 г., который в публичных дискурсах не определяется как кризисный: только в 45% семей доход был у обоих супругов. Похожую, но менее острую ситуацию наблюдаем в 1998 г.: среди супружеских домохозяйств два личных дохода были у 55% семей. Снижения реальных доходов населения в 2008–2010 и 2014–2016 гг., обозначаемых как кризисные, на микроуровне практически не отразились на численности семей с разными типами бюджетов. Наличие в семейном бюджете только одного личного дохода существенно увеличивает риски бедности: при единоличном финансовом лидерстве мужчин бедных семей 45–50%, при финансовом лидерстве женщин — около 70%. Система трансфертов слабо страхует семьи, в которых только женщина вносит вклад в семейный бюджет.

Ключевые слова: структура семейного бюджета; личные доходы; надындивидуальные доходы; семьи с двумя доходами; экономический кризис; супружеские домохозяйства; внутрисемейные экономические отношения

Введение

С метафоры закрытости начинается не одна статья об экономических отношениях в супружеских домохозяйствах [Bennett 2013: 582]. Семейный бюджет сравнивают с «чёрным ящиком», который трудно открыть [Pahl 1989]. Отмечается, что в семье «экономическое поведение осуществляется (буквально) за закрытыми дверями» [Burgoyne et al. 2006]. Попытки преодолеть эту закрытость через самооценку роли в формировании семейного бюджета дают, как правило, зеркально смещённые ответы: мужчины и женщины переоценивают свою финансовую ответственность. Исследование внутрисемейных экономических отношений поэтому — определённый методиче-

ский вызов, один из вариантов ответа на который заключается в оценке вклада супругов в семейный бюджет на основе автономных ответов каждого об их личных доходах. Предполагается, что такой подход к измерению даёт более приближённые к реальности результаты. Анализ структуры семейных бюджетов через соотношение личных доходов мало распространён в российской исследовательской практике; обычно при описании элементов семейного бюджета воспроизводят структуру доходов населения, представленную в российской статистике: доходы от занятости, социальные трансферты, доходы от собственности, предпринимательской деятельности и другие. Статистика зарубежных стран (например, США, Канады) отражает численность супружеских семей с одним или двумя личными доходами, что позволяет представить риски и возможности внутрисемейной «подстраховки» в случае, если доходы одного из супругов сокращаются. Именно динамичность социально-экономических и институциональных условий в России за последние 25 лет делает перманентно актуальными исследования внутрисемейных экономических отношений по поводу формирования и распределения ограниченных экономических ресурсов. Структурные изменения в экономике в 1990-е гг., рост уровня жизни населения в начале 2000-х и экономические кризисы 1998, 2008–2010 и 2014–2016 гг., различающиеся ролью государства в поддержании уровня жизни экономически уязвимых групп населения; технологические и институциональные изменения банковской сферы, влекущие изменения в финансовом поведении населения; трансформация гендерных норм и гендерных контрактов; активное монетарное вмешательство государства в семейные отношения через стимулирование рождаемости и поддержку молодых семей и другое — вот лишь контурное перечисление макроусловий, отражение которых можно обнаружить на микроуровне, на уровне семейных бюджетов. Много ли среди российских семей таких, в которых бюджет формируется только одним из супругов? В какой части доходного распределения они сосредоточены? Если женщина обеспечивает бóльший доход в семье, это, скорее, результат успешной профессиональной карьеры или вынужденный статус в ситуации безработицы или низкого дохода партнёра? Насколько вообще изменчиво участие мужчин и женщин в формировании семейных бюджетов в последние 25 лет?

Пожалуй, единственная база данных, позволяющая ответить на эти вопросы и восполнить пробелы в оценке распространённости разных моделей участия супругов в формировании семейных бюджетов, причём в динамике, — это Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (РМЭЗ НИУ ВШЭ)¹. В качестве эмпирического объекта исследования выбраны супружеские домохозяйства, то есть состоящие из супружеской пары (в официально зарегистрированном браке или в неофициальном партнёрстве) без детей или с детьми, не имеющими самостоятельных доходов. В некотором отношении это модельная семья, позволяющая точнее соотнести доходы из трёх категорий источников: (1) личные доходы мужчины; (2) личные доходы женщины и (3) надындивидуальные доходы (помощь родственников, социальные трансферты, доходы от вкладов, деньги, полученные от возврата домохозяйству долгов, и т. п.).

Цель исследования, вытекающая из предпосылки, что макроэкономические процессы отражаются в структуре семейных бюджетов, состоит в том, чтобы выявить в благоприятных и кризисных социально-экономических условиях распространённость различных типов семейных бюджетов российских домохозяйств, отличающихся соотношением вкладов личных доходов супругов и надындивидуальных доходов.

В первой части статьи задан теоретический и эмпирический контекст исследования участия партнёров в формировании и управлении семейным бюджетом, обзорно описываются социально-экономические условия в России за последние 25 лет, важные, на мой взгляд, для понимания внутрисемейных экономических отношений. Раздел о методологии исследования включает описание эмпирического объекта

¹ Данные и другие материалы мониторинга доступны на сайте НИУ ВШЭ (см.: <https://www.hse.ru/rf/lms/>).

(супружеских домохозяйств) и основных переменных, характеризующих личные и надындивидуальные доходы и структуру семейного бюджета. Эмпирические расчёты, охватывающие 1994–2016 гг., показывают динамику численности супружеских домохозяйств с одним или двумя личными доходами и их разным соотношением. Детализация анализа данных за 2004–2016 гг. позволила проявить состав и роль надындивидуальных доходов, а также социально-демографические характеристики супружеских домохозяйств с разным соотношением доходов мужчин и женщин. Также обсуждаются методические проблемы выполненного анализа: в какой мере динамика численности семей с разными бюджетами отражает изменения совокупности таких семей, а в какой — изменение «правил бюджетообразования».

Формирование и управление семейным бюджетом как объект социальных исследований

Именно исследования потребительских расходов семьи в зависимости от соотношения доходов, получаемых супругами, «приоткрыли крышку» на «чёрном ящике», которым было домохозяйство для экономистов и социологов, внесли сомнения в представления о единой функции материального благосостояния семьи и тем самым показали, что при изучении потребительского поведения домохозяйств в расчёт нужно принимать, помимо экономических факторов, внутрисемейную ролевую структуру в управлении финансами.

Оппонирование тезису о существовании единой функции полезности домохозяйства, предложенной в новой экономике домашнего хозяйства [Беккер 2003], выстраивалось через сравнение потребления в семьях с разной финансовой организацией. Объединение ресурсов супругов — эмпирический тест модели общей функции полезности домохозяйства: если домохозяйство действует как единый субъект, то безразлично, кто из супругов осуществляет контроль над семейным потреблением. Но ряд естественных экспериментов (например, изменение системы выплат детских пособий в Великобритании в 1970-х гг. [Lundberg, Pollak, Wales 1997; Pollak 2002], специализация мужчин и женщин на выращивании разных культур в африканских странах [Duflo, Udry 2004]) обнаружили обратное: увеличение дохода женщины влечёт увеличение расходов на детей и в целом на семейные нужды.

Жан Пал, анализируя в качественной методологии финансовую организацию домохозяйств Великобритании, эмпирически выделила несколько систем финансового менеджмента и показала, что чаще встречается управление семейными финансами под контролем женщины. Но большее участие женщин в управлении семейным бюджетом не означает, что они извлекают из этого «персональную выгоду»: женщины гораздо чаще, чем их мужья, ограничивали себя в покупке продуктов и одежды при семейных финансовых трудностях [Pahl 1995]. Выводы Пал о том, что женщины в своих тратах более ориентированы на семью и чаще, чем их мужья, ограничивают себя в покупке продуктов и одежды, имеют меньшие персональные траты, были подтверждены и на больших массивах данных [Laurie, Rose 1994; Vogler 1994]. Однако все выводы основаны на субъективных оценках супругов и согласованности этих оценок, а не на калькуляции реального потребления и расходов. Данные панельного обследования британских домохозяйств свидетельствуют, что только три пятых домохозяйств в двух последовательных волнах помещают себя в одну и ту же категорию управления деньгами, то есть системы финансового контроля изменчивы, когда фиксируются со слов респондентов [Laurie, Rose 1994]. В то же время анализ контроля и управления финансами в семье ставит под сомнение реализуемую в исследованиях экономического неравенства предпосылку о равенстве доступа членов семьи к её ресурсам, что может скорректировать макроуровневые оценки масштабов бедности и неравенства, хотя работы в этом направлении пока лишь свидетельствуют о внутрисемейном неравенстве [Bennett 2013; Cantillon 2013], но не предлагают методику его учёта в макроуровневых расчётах.

Анализ «зеркального» потреблению процесса формирования семейного бюджета балансирует на учёте экономической необходимости занятости обоих супругов, возможностей для этого (как индивидуаль-

ных в виде навыков, которые можно предъявить на рынке труда, так и институциональных, позволяющих сочетать семейные и профессиональные роли) и нормативной толерантности. Эмпирическими объектами современных исследований внутрисемейных экономических ролей и отношений являются супружеские пары «с двумя карьерами» (*dual career couples*) или «с двумя доходами» (*dual-earner families, two-earner families*). При близком содержательном наполнении этих обозначений акцент в первом случае делают, скорее, на сопряжённости карьер супругов на разных этапах жизненного цикла семьи и при разном социальном статусе, во втором случае внутрисемейная структура личных доходов рассматривается в контексте экономической безопасности — насколько семья потенциально уязвима в ситуации снижения или потери доходов у одного из супругов.

Л. Дж. Уайт и М. Нильсен, анализируя многолетние (за 1963–1997 гг.) тенденции в распределении совокупного времени членов американских домохозяйств между рыночной занятостью и домашней работой и динамику численности семей с разным участием супругов в формировании бюджета, уверены, что именно «семьи с двумя получателями заработной платы были главными победителями в этой перестановке жизненных шансов; по крайней мере, если мы считаем финансовое благополучие показателем успеха» [Waite, Nielsen 2001: 23–24]. Более поздние данные Бюро статистики труда показывают, что пик численности американских семей с двумя получателями заработной платы среди всех супружеских семей (*married-couple families*) пришёлся на середину 1990-х гг. (60,4% в 1995 г.), тогда как в последующие годы она сокращалась (до 52,8% в 2011 г.) и лишь примерно на 10 п. п. превышает зафиксированную в конце 1960-х гг. (43,6%), что связано с увеличением в последнее десятилетие доли супружеских семей, не имеющих заработной платы среди доходов. Численность семей, в которых доход имел только муж, сократилась с 35,6% в 1967 г. до примерно 20% в середине 1980-х гг. и с того времени до 2011 г. колеблется в диапазоне 16–19%. А вот доля супружеских семей, в которых заработную плату получает только женщина, медленно, но стабильно увеличивалась в течение полувека с 1,7 до 6,8%. Усреднённая доля доходов женщины в семейном бюджете выросла с 26,6% в 1970 г. до 37% в 2011 г. [U.S. Bureau of Labor Statistics 2014; 2017].

На данных Current Population Survey (Текущее обследование населения) за 1970, 1980, 1990 и 2001 гг. было проведено сравнение численности и социальных характеристик пяти категорий супружеских семей с супругами в возрасте 24–54 года. Категории были следующими:

— три группы семей с «двумя доходами»:

1. пары, где муж обеспечивает бóльшую часть дохода;
2. пары с примерно равными заработками супругов (каждый из них вносит 40–60% в общий бюджет);
3. пары с женщиной-«кормильцем»;

— две группы семей с одним получателем личных доходов, мужчиной или женщиной.

Сравнение показало, что к 2001 г. подавляющее большинство пар (70%) имели два личных трудовых дохода (были *dual-earner families*) по сравнению с 41% в 1970 г. Численность семей с мужчиной — единственным получателем доходов значительно сократилась: с 56 до 25% супружеских пар. Партнёров с примерно равными личными доходами, наоборот, стало существенно больше: от около 9% в 1970 г. до 24% в 2001 г. Пары, в которых вклад жены в бюджет составлял более 60%, по-прежнему были относительно небольшим меньшинством в 2001 г., но их доля утроилась — с 2 до 7% от всех пар. Семей, в которых доход обеспечивается только женщинами, также мало: только 2% пар в 1970 г., 5% в 2001 г. [Raley, Mattingly, Bianchi 2006]. При тестировании гипотез, объясняющих такую динамику численности американских семей с разным участием супругов в формировании бюджета, оказалось не

опровергнуто предположение о том, что образование будет положительно связано с участием женщин в семейных доходах, но авторы предполагают, что со временем эта связь ослабнет (с увеличением численности образованных женщин). Пожилые женщины чаще выступают в роли единственного получателя доходов или в качестве «второго» получателя. Жёны, состоящие в браке с мужчинами, занятыми меньше, чем полный рабочий день в течение года, в большей пропорции представлены среди женщин, которые являются «равными» или основными получателями дохода в семье. Также подтвердилось, что сохраняются давние расовые различия: среди чёрных пар больше семей с двумя доходами. Однако эти расовые различия стали менее выраженными с течением времени [Raley, Mattingly, Bianchi 2006].

В Канаде в течение 1976–2015 гг. доля семей (среди всех супружеских пар, по крайней мере, с одним ребёнком в возрасте до 16 лет), в которых только один родитель имел доход, сократилась с 59 до 27%. В свою очередь, доля семей с двумя доходами почти удвоилась — с 36 до 69% [Statistics Canada 2016]. В общей численности канадских семей² в 2011–2015 гг. доля супружеских пар, в которых мужчина был единственным получателем заработной платы, составляла 17,2–17,7%; семей, в которых в такой роли оказывалась женщина, — 7,9–8,3%; в 62,3–62,8% заработную плату получали оба супруга (остальные семьи были семьями родителей-одиночек) [Statistics Canada 2018].

Современные различия в моделях женской занятости, принятые в разных европейских странах, обобщены в недавнем докладе Организации экономического содействия и развития, который называется «Осмелиться поделиться: опыт Германии в обеспечении равного партнёрства в семьях» [OECD 2016]. Хотя, как следует из названия, он посвящён Германии, ситуация в стране представлена в европейском контексте. Участие мужчин и женщин в составе рабочей силы измеряется продолжительностью занятости (в часах в неделю) в разных возрастных группах. И если для мужчин норма — полная занятость практически во всех возрастных группах (до 64 лет), за исключением не достигших 30 лет (в разных странах 20–40% молодых мужчин получают образование), то женская занятость вариативна. Европейские страны можно разделить по данному критерию на четыре группы [OECD 2016: 136–138]:

страны с продолжительными периодами частичной занятости женщин (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария). На примере Германии показано, что в возрастных группах старше 36 лет доля работающих в режиме частичной занятости (40–45%) выше работающих в режиме полной занятости (*full-time*) или вовсе не работающих;

страны с поляризованным участием женщин в рабочей силе: женщины либо работают в режиме полной занятости, либо не работают вовсе (Греция, Испания, Италия, Литва, Польша, Португалия, Словения). Для примера выбрана Италия, где среди женщин 30–60 лет имеют полную занятость примерно 40%, частичную — 15–20%, не работают — 30–35% (с увеличением доли этих последних в старших возрастах при сокращении частично занятых);

страны с коротким периодом неактивности (Венгрия, Латвия, Словацкая Республика, Финляндия, Чешская Республика, Эстония). К примеру, среди чешских женщин 30–34 лет почти две пятых экономически не активны, в группе 35–39 лет — не активна каждая пятая, но во всех возрастных группах после 40 лет и вплоть до пенсионного возраста доля экономически неактивных очень низка, а подавляющее большинство (50–60% в группах 25–39 лет и 75–80% среди тех, кому 40–54 года) работают в режиме полной занятости;

² В данном случае семьи включают (1) супружеские пары (в официальном браке или нет, в том числе однополые пары), живущие в одном и том же жилище с детьми или без них, и (2) одиноких родителей (мужчин или женщин), живущих с одним или несколькими детьми.

страны со стабильными, но небольшими различиями в занятости мужчин и женщин (Дания, Исландия, Норвегия, Франция, Швеция). В Швеции как представителе этой модели занятости практически во всех возрастных группах доля женщин, работающих *full-time*, — 60–65% (сокращается до 40% после 60 лет), частичная занятость охватывает примерно треть женщин.

Соответственно европейские страны будут дифференцированы по численности семей, различными способами сочетающими режимы занятости партнёров и их доходы от участия в занятости. Различия обусловлены культурными и институциональными условиями, выраженными в мерах социальной политики, которые задают разные наборы способов адаптации семейных ролей к «требованиям рынка и партнёрства». Расчёты, выполненные на данных Люксембургского исследования доходов (Luxembourg Income Study — LIS) за последнее десятилетие XX века и оценивающие вклад заработной платы женщин в суммарную величину заработных плат в супружеских домохозяйствах (с супругами в возрасте 25–60 лет), показывают, что максимальный экономический вклад женщин в семейный бюджет в Скандинавских странах и бывших социалистических (Венгрия, Чехия, Словакия) составляет 40–42% в семьях с двумя работающими и 35–40% во всех супружеских семьях. В странах, отличающихся низким участием женщин в занятости, средние значения относительных доходов женщин будут минимальными (например, в Бельгии, Австрии, Италии, Нидерландах, Испании, Люксембурге) [Stier, Mandel 2009].

К. Хаки́м, говоря о современных моделях семьи, определяет в составе внутрисемейной экономической структуры «основных добытчиков» (*primary earners*) как тех, кто может принять решение работать больше или меньше часов или изменить свои трудовые усилия другими способами, но для кого даже не стоит вопрос, участвовать ли в приносящей доход занятости. «Вторые получатели доходов» (*secondary earners*) могут выбирать, учитывая широкий круг обстоятельств, работать им или нет; они не зарабатывают на жизнь, финансово зависимы от других людей или государства, их доходы дополнительные по отношению к доходам партнёра, бóльшим и более регулярным. Если в роли основного добытчика оказывается женщина, то, по материалам британских исследований, только две трети из них заняты полный рабочий день, одна пятая — это работницы ручного труда, у каждой третьей партнёр не имеет работы и дохода, у половины занят в режиме полной занятости [Наки́м 2003а: 77–81]. В целом финансовое лидерство женщины в семье ассоциируется с более низким уровнем жизни; тем не менее Хаки́м подходит с позиций теории предпочтений к выбору женщины работать или нет, работать по жёсткому или гибкому графику — это определяется её персональными предпочтениями. Именно «персональные предпочтения для собственной жизни», а не социальные установки и толерантность к определённым гендерным нормам позволяют выделить среди женщин тех, кто ориентирован (1) на карьеру, (2) на семью и (3) промежуточный, адаптивный, тип, включающий работающих женщин без карьерных устремлений [Наки́м 2003б]. Эта классификация уместна и для мужчин, но эмпирическое наполнение типов будет иным. Критика данной точки зрения заключается в том числе в проблематичности жёстких различий между типами, особенно между адаптивным и каждым из остальных. Объясняется это в первую очередь, отсутствием «центрального жизненного интереса» в условиях нестабильности занятости, меняющихся семейных обстоятельств, которые влияют на занятость как женщин, так и мужчин [Charles, James 2003; McRae 2003].

Однако нормативный контекст существования разных экономических моделей семей так или иначе проявляется в результатах многих исследований. К примеру, изучение браков, организованных вокруг карьеры жены, а не мужа (М. П. Аткинсон и Ж. Боулс обозначают их как *Wives as Senior Partners (WASP)* — «жены в качестве старших партнёров»; см.: [Atkinson, Boles 1984]), показывает, что три обстоятельства способствуют WASP-ситуации: женщина выполняет традиционно мужскую работу (30 лет назад, когда проводилось исследование, к таким занятиям отнесли профессоров колледжа, учёных-физиков, министров, корреспондента международной сети, владелиц малого бизнеса), у мужа гибкий, непостоянный

характер занятости (самозанятый графический художник, адвокат, риелтор, индивидуальный предприниматель, конферансье и др.)³ и в доме нет детей, требующих постоянного ухода. Респонденты говорили об отношении окружающих к их брачной ситуации преимущественно как девиантной: мужа воспринимались как проигравшие, ленивые, безответственные и немужественные, а жены — как неженственные (*unladyli*), властные и манипуляторы. Такова цена нестандартности экономических ролей супругов, и, чтобы ее минимизировать, супруги предпочитали не посвящать окружающих в экономические обстоятельства своей жизни, а в личных отношениях женщины стремились проявлять традиционно ожидаемое от них поведение — «быть привлекательными для своих мужей, быть доступными сексуально, организовывать романтические события и угождать своим мужьям» [Atkinson, Boles 1984: 865]. Вариант компенсаторного поведения со стороны мужчины — взять на себя часть домашних обязанностей. По прогнозу Максина П. Аткинсона и Жаклин Боулс, численность WASP-семей будет увеличиваться по мере роста экономической активности женщин, большего представительства женщин в профессиях, в которых ранее было больше мужчин [Atkinson, Boles 1984].

С. Нок вводит в оборот термин «браки одинаково зависимых супругов» (Marriages of equally dependent spouses — MEDS), определяя зависимость сугубо с экономической точки зрения (и метафорически уподобляя семью ферме или малому предприятию) [Nock 2001]. В этих семьях заработная плата каждого из супругов составляет 40–59% от суммарной заработной платы. На данных мартовского приложения к «Текущему обследованию населения» (March Current Population Survey Income Supplement) за 1999 г. — обследования, проводимого Бюро переписи США, и данных Национального обследования семей и домохозяйств (National Survey of Families and Households — NSFH) за 1987–1988 и 1992–1994 гг. о семьях с супругами в возрасте 25–60 лет Нок определяет, что MEDS-семьи, скорее, моложе остальных, с большей вероятностью обнаруживаются среди темнокожих (в группах семей с сопоставимым уровнем доходов); распад брака в таких семьях более вероятен, что, по Ноку, объясняется неготовностью мужчин принять меняющуюся роль женщины. «Муж — глава, и его доход основной в семье» — один из нормативных параметров американской семьи, и этот «институциональный идеал более важен для мужчин, чем для женщин, поскольку является основным способом продемонстрировать статус зрелой, ответственной маскулинности» [Nock 2001: 771]. Нок также прогнозировал, что численность MEDS-семей будет только увеличиваться, и сегодняшняя нестабильность брака в таких семьях — это плата за адаптацию к трансформации семьи [Nock 2001].

Как показало исследование бельгийских социологов, партнёры в парах с раздельным проживанием (Living Apart Together (LAT) Partnerships) сохраняют отдельные денежные счета и контролируют собственные средства индивидуально, не используя общие счета. Такая индивидуализация финансового поведения исчезает, когда пары начинают жить вместе. Денежные практики, которые в итоге принимали пары, были результатом сложных согласований между противоречивыми дискурсами пола (идеология ролей), ожиданиями от отношений и доходами партнёров. Мужчины в LAT-партнёрствах были склонны воспринимать и рассматривать свои деньги как коллективный ресурс независимо от возможного развития отношений пары. Готовность мужчин выступать в качестве «кормильцев» независимо от того, в какой тип отношений они вовлечены, свидетельствует, по мнению исследователей, о том, что мужчины продолжают воспринимать роль экономического лидера как центральную часть своей мужской идентичности. Женщины демонстрируют большую противоречивость между идеалами полной экономической независимости и равенства и тем, что редко достигают такого состояния на практике: лишь небольшая группа женщин в постоянных партнёрских LAT-отношениях сохраняла полностью «отдельные кошельки» и в равной степени участвовала в совместных расходах независимо от уровня своего дохода [Lyssens-Danneboom, Mortelmans 2014].

³ В выборке качественного исследования, включающей 46 партнёров из 31 брака, также были две семьи, в которых у мужей инвалидность.

Представленные исследования позиционируют супружескую семью как «фабрику гендера» (*gender factory*) [Berk 1985] — пространство производства и воспроизводства норм и ролевых моделей. Отталкиваясь от метафоры Г. Беккера «семьи как небольшой фабрики», за которой стоит экономическая функция семьи по удовлетворению потребностей её членов через комбинацию рыночной занятости и получаемого от этого дохода, покупок товаров на рынке и производства услуг и предметов конечного потребления в домохозяйстве, Сара Берк расширяет «воспроизводственную» функцию семьи до нормативного и символического пространства. И, казалось бы, ожидаемая экономическая рациональность по максимизации доходов семьи «спотыкается» о нормативные ожидания в отношении супругов. Тем не менее высокая вовлечённость женщин в рыночную занятость в экономически развитых странах становится повсеместной, и можно отметить «лингвистические» и статистические маркеры важности феномена: отражение в статистике численности семей с двумя личными доходами и предложение терминологии и понятийного языка описания семей с разными моделями финансовой ответственности и финансового лидерства (или партнёрства) супругов.

Социально-экономический контекст формирования доходов российских домохозяйств с середины 1990-х гг.

Российские семьи за последние 25 лет вырабатывали свои экономические стратегии в «многомерных» условиях, включающих унаследованную от советской экономики высокую вовлечённость женщин в оплачиваемую занятость; необходимость для большинства семей в занятости всех трудоспособных членов, чтобы обеспечить приемлемый уровень жизни; прохождение традиционных этапов жизненного цикла семьи, связанных с рождением детей. Если, к примеру, в США обзор статистики о росте участия женщин в формировании семейных бюджетов публикуется с заголовком «Америка становится нацией семей с двумя работающими» («America Has Become a Nation of Dual-Income Working Couples») [Hodge, Lundeen 2013], в России и бывших социалистических странах, наоборот, плюрализация гендерных контрактов в 1990-е гг. позволила женщине не работать: легитимной женской биографией становится также биография домохозяйки [Вовк 2006]. Но всё же в начале 2000-х гг. «модель семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой — практически фантастика» [Ашвин 2006: 59]; экономические условия таковы, что для семьи нужны доходы обоих. В этом плане «более устойчивыми оказываются правила организации жизни, восходящие к советским гендерным контрактам» [Тёмкина, Роткирх 2002: 11]: доминирующим постсоветским контрактом остаётся работающая мать, а в целом идеология, институты и практики советского гендерного порядка, унаследованного Россией, сложились ещё в 1930-е гг.⁴ По мнению С. Ашвин, приверженность жёстким и несбалансированным семейным ролям, унаследованным от «советского гендерного строя», когда в семейной паре работают оба партнёра, но мужчина зарабатывает больше и выполняет роль «кормильца», обострила проблемы семейных пар во время переходной эпохи (высокие доходные ожидания к мужчинам и напряжённые отношения в семьях, где выше доходы женщины) [Ашвин 2000; 2006], хотя обзор зарубежных работ показывает, что закрепление роли основного получателя доходов за мужчиной в качестве нормы совсем не уникально для России, советской или постсоветской.

⁴ Фрагментарные задокументированные количественные оценки участия советских женщин в формировании семейных бюджетов можно получить, к примеру, из данных исследования «Таганрог – II» (1978 г.). Заработная плата женщин была в 1,5 раза меньше зарплаты мужчин (133,6 руб. против 195,5 руб.); такое же соотношение в уровне заработной платы женщин и мужчин наблюдалось и при первом обследовании в Таганроге в 1968 г. Самый высокий уровень зарплаты фиксировался как у мужчин, так и у женщин в возрасте 35–40 лет. Он составлял в 1978 г. 216,4 и 144,3 руб. соответственно. Дифференциация в оплате труда объяснялась приложением труда в разных сферах и отставанием в уровне квалификации, что являлось компромиссом в сочетании женщиной производственных и семейных ролей. Макроуровневые различия в оплате труда транслировались на уровень семейных бюджетов. Так, численность семей, в которых заработная плата мужа была больше, чем у жены, в старшей возрастной когорте составляла 73,5%, а в младшей — 76,7% [Римашевская, Оников 1991: 37–38, 123].

Вариантами усиления роли женщин для благосостояния семьи могли быть как трансформация в некоторых случаях контракта «работающая мать» в «женщину-профессионала», так и вынужденная ответственность женщин за обеспечение семьи в случае безработицы мужа. Именно исследования семейных стратегий адаптации к новым экономическим условиям обнажили в 1990-е гг. проблематику внутрисемейных экономических ролей супругов. Среди экономических стратегий домохозяйств в России в то время наибольшее распространение получили формы поведения, основанные на предыдущем опыте выживания: сокращение потребления, экономия ресурсов семьи, самообеспечение продуктами питания. Следующая по распространённости группа жизненных практик объединяла различные формы дополнительной занятости и освоение новых видов экономической деятельности, то есть в той или иной мере касалась смены или достижения качественно иного трудового статуса. Домохозяйства, во главе которых стояли женщины, чаще ориентировались на дачно-огородную деятельность, получение помощи родственников или государства, «затягивание поясов», тогда как «мужские» семьи чаще стремились подработать, сменить профессию [Мезенцева, Космарская 1998; Давыдова 2000]. Данные социологических исследований того времени указывают, что женская адаптация более гибка, но в целом наиболее успешные её образцы были представлены как раз «зависимой адаптацией» на уровне своих социальных сетей, то есть субъектом реальной экономической поддержки для женщин являлись семья, родственники. Мужская же адаптация предполагала жёсткую ориентированность на собственные усилия, подкреплённые стартовым капиталом в виде связей, собственности, власти [Балабанова 1999]. По результатам более позднего исследования (качественные лонгитюдные интервью в 1999–2010 гг.), динамика стратегий занятости среди женщин демонстрирует их высокую ориентацию на работу, готовность зарабатывать больше и быть экономически независимыми. Но переход женщин в рыночную сферу услуг, как свидетельствуют устойчивые практики занятости, не способствует повышению заработной платы, сдерживается возможностями заработка на доступных местах, «удобной работе». Динамика личного благополучия складывается так, что «женщины всё больше преобладают в категории “выживающие”, и всё меньше из них тех, кто остаётся в категории “успешные”» [Ярошенко 2013: 45].

Но вторые позиции с точки зрения получаемых доходов не означают меньшие властные полномочия женщины в семье. Скорее наоборот, мужчина играет внутри домашнего хозяйства второстепенные роли и «становится инструментом женских стратегий» [Лыткина 2004: 89]. Однако, если говорить об управлении семейными финансами, вероятность выбора практики, когда деньгами в домохозяйстве «заведует» женщина, максимальна при низких среднедушевых доходах; с ростом материального благосостояния увеличивается вероятность выбора системы общего или частичного пула (объединение всех или части доходов партнёров), из которого осуществляются совместные и личные расходы, что совпадает с выводами, полученными в обследованиях британских семей: модели управления семейными финансами с доминированием женщины более характерны для малообеспеченных домохозяйств [Ибрагимова 2012]. Проблематичность идентификации семейных систем управления финансами, со слов респондентов, проявилась и в данном исследовании⁵. В ответах о чьём-либо полном управлении финансами наблюдаются наибольшие различия: при сравнении ответов женщин и мужчин оценки не совпадают. Женщины в 1,4 раза чаще мужчин сообщили о том, что в их семье действует женское полное управление (26,1% по сравнению с 18,6%), тогда как мужчины в 3,2 раза чаще женщин заявили о мужском полном управлении (9,2% по сравнению с 2,9%) [Ибрагимова 2012: 34]. В распределении ответов о других системах управления семейными доходами различий практически нет.

Если говорить о макроэкономических обстоятельствах с точки зрения возможностей формировать семейный бюджет, в течение последних десятилетий они были очень разные: 1990-е гг. отличаются высокой инфляцией (сводный индекс потребительских цен в 1994 г. составлял 320%, в 1998 г. — 184,4%, в

⁵ Третья волна «Мониторинга финансового поведения и доверия населения финансовым институтам» НИУ ВШЭ (октябрь — ноябрь 2011 г., 1600 респондентов). Дизайн выборки обеспечивает общероссийскую репрезентативность взрослого населения (старше 18 лет) РФ по полу, возрасту, образованию, типу населённого пункта и федеральным округам.

1996 и 2000 гг. — примерно 120%), и рост потребительских цен в 2008–2010 и 2014–2015 гг. (108–113%) существенно уступал тому, что наблюдался в 1990-е [Цены в России 2018]. Темпы роста реальных доходов населения, «набрав разгон» в начале 2000-х гг. (до 2007 г. росли примерно на 10% в год), стали отрицательными в 2014–2016 гг. (94–99%). Но если 1990-е характеризуются как обесцениванием доходов, так и снижением занятости (минимальный уровень занятости фиксируется в 1998 г.: 63,5% для женщин и 68,2% для мужчин трудоспособного возраста), к середине второй декады 2000-х гг. статистика демонстрирует рост занятости до 73% среди женщин и 78–80% среди мужчин трудоспособного возраста [Труд и занятость в России 2018]. Негативный маркер 1990-х с точки зрения доходов населения — задержки основных видов выплат населению, пенсий и заработной платы. В 1996 г. задолженность по выплате пенсий (на конец года) составляла 193,8% от общей суммы назначенных месячных пенсий, в 1998 г. — 203,9%, но уже в 2000 г., по данным статистики, пенсионных долгов перед населением не было [Российский статистический... 2001: 197]. На 1996 и 1998 гг. приходится максимум задержек заработной платы — более чем на 100 тыс. предприятиях в 2000 и 2002 гг. 55 тыс. и 37 тыс. соответственно. Объем просроченной задолженности на предприятиях, ее имеющих, составлял 243, 374, 209 и 190% от месячного фонда заработной платы в указанные годы, при этом максимальный уровень бедности населения по данным статистики, наблюдается в 2000 г. В целом за рассматриваемый период резкое ухудшение макроэкономической ситуации трижды номинировалось как кризис (1998, 2008–2010 и 2014–2015 гг.).

В качестве отличительной особенности периода начала 2000-х называют финансовализацию (*financialisation*), подогревающую внутренний спрос [Nesvetailova 015] и проявившуюся в росте кредитования населения и реформировании системы социальной поддержки. С 2003–2004 гг. растут как абсолютные, так и относительные показатели предоставления потребительских кредитов; к примеру, если на конец 2001 г. объем кредитов у населения составлял 2% от объёма денежных доходов населения, то в 2009–2010 гг. — 12,5%, к концу 2016 г. — 20%⁶ (рассчитано по: [Показатели деятельности... 2018; Объем и структура... 2019]). В структуре располагаемых ресурсов домохозяйств доля привлечённых средств и израсходованных сбережений увеличились с 3,8% в 2004 г. до 7,0% в 2016 г., пик доли таких поступлений в бюджеты домохозяйств приходится на предкризисные 2007–2008 гг. (10–10,8%) и 2013 гг. (11,8%) [Доходы, расходы... 2018]. Реформирование системы государственных трансфертов, в том числе «монетизация льгот», подразумевало не только отмену ряда льгот, не подкреплённых финансовыми возможностями государства, разграничение льгот по уровню ответственности бюджетов (федерального и региональных), но и появление возможности для получателей заменить натуральные льготы фиксированным денежным эквивалентом. Сюда же можно отнести стимулирование рождаемости через программу материнского (семейного) капитала, региональные программы поддержки молодых семей с детьми. Хотя эти средства предоставлялись в виде сертификатов с ограниченными вариантами использования (первоначально покупка жилья, образование детей, пенсия матери), позднее в качестве антикризисной меры семьи могли получить 25 тыс. рублей из материнского капитала на личные нужды семьи.

Методология исследования

Информационная база исследования

Объект представленного исследования — структура бюджетов супружеских домохозяйств, и критерием дифференциации бюджетов выступает соотношение личных доходов супругов. Предлагается посмотреть на экономический статус домохозяйств не через усреднённые или суммарные показатели доходов, а с учётом внутренней структуры бюджетов. Важно отметить, во-первых, что, хотя основа

⁶ Определялось как отношение суммы кредитов физическим лицам на 1 января к сумме денежных доходов населения, полученных в течение предшествующего года.

измерения — вклады каждого из супругов в семейный бюджет, личные доходы анализируются в сочетании с надындивидуальными как одним из ресурсов экономической безопасности домохозяйства. Во-вторых, структура бюджетов определяется не со слов респондентов, а через расчёт и сравнение личных доходов каждого из супругов (они фиксируются со слов отвечающих). Анализ выполнен на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, в котором ежегодно отдельно опрашиваются взрослые члены домохозяйства, а анкету домохозяйства заполняет наиболее информированный о доходах и потреблении член семьи (к примеру, в 2016 г. 89,6% из них — женщины). Основная часть расчётов выполнена на данных 2004–2016 гг., но динамика численности домохозяйств с разной структурой бюджетов показана за 1994–2016 гг. (с двухгодичными интервалами между волнами, но с ежегодным представлением расчётов для кризисных периодов 2008–2010 и 2014–2016 гг.; в 1997 и 1999 гг. опросы не проводились). Единицей наблюдения выбрано супружеское домохозяйство, состоящее из супружеской пары с детьми или без детей, то есть те домохозяйства, где присутствуют два реальных или потенциальных получателя личных доходов. В данной работе супружеской будет считаться пара независимо от того, зарегистрирован брак официально или нет. В число детей включаются все лица моложе трудоспособного возраста, а также лица трудоспособного возраста, находящиеся на иждивении родителей. У взрослых детей, живущих вместе с родителями, мог быть самостоятельный доход. Если он составлял менее 5% от совокупного денежного дохода семьи, считаем, что взрослый ребёнок находится на иждивении родителей, и именно в таком случае семьи из супружеских пар с взрослым младшего поколения включались в эмпирический объект исследования.

В общей численности домохозяйств пары с детьми или без детей, где дети — лица в возрасте от 0 до 15 лет включительно, составляли в середине 1990-х гг. примерно две пятых (40,5% в 1994 г., 38,6% в 1996 и 1998 гг.), с начала 2000-х численность таких домохозяйств сократилась до трети (33,1% в 2016 г.). Если определять детей не по возрасту, а по родству с членами супружеской пары, то численность супружеских пар с детьми (0–15 лет) или без детей, а также с взрослым младшего поколения (по отношению к супругам) составляла в 1994–2016 гг. 12–15% от всех домохозяйств. Суммарно доля домохозяйств с одной супружеской парой без взрослых старшего поколения сократилась с 52,9% в 1994 г. до 50,8% в 2000 г. и до 45–46% в 2004–2016 гг. Увеличилась как доля домохозяйств с одним взрослым (с 20–21% во второй половине 1990-х до 25–26% в 2015–2016 гг.), так и доля домохозяйств более сложного состава, хотя и в меньшей пропорции (с 26–27% до 28–30%).

Попадание домохозяйств в «рабочие» выборки РМЭЗ определялось не только названными критериями (состав семьи и отсутствие самостоятельного источника дохода у детей по родству), но и сообщением обоими супругами информации о своих доходах. При соблюдении этих двух условий «отсечения» «рабочая» выборка составляла 33–36% от общей численности домохозяйств и включала примерно 1200–2300 домохозяйств в разные волны⁷.

Показатели структуры доходов супружеских домохозяйств

Под доходом понимаются денежный эквивалент натуральных благ и денежные средства, полученные членами семьи из разных источников в течение 30 дней перед опросом, которые обеспечивали денежные расходы и создание сбережений без привлечения ранее накопленных или привлечённых заёмных средств. Это определение основано на трактовке доходов, принятой в программе «Выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств» (ОБДХ), осуществляемой Росстатом [Методологические

⁷ Алгоритм построения рабочих файлов с учетом возможностей всей базы данных РМЭЗ был следующим: в файлах домохозяйств выделялись те, в составе которых была одна супружеская пара и не было взрослых старше супругов и других родственников, кроме детей, внуков, племянников. По номерам членов домохозяйств, состоящих в отношениях брака, конструировались индивидуальные идентификационные номера, по которым к файлам супружеских домохозяйств последовательно добавлялись данные из индивидуальных файлов с информацией о каждом из супругов. Контроль слияния файлов осуществлялся по полу и году рождения индивидов.

положения... 2017]. Если связывать денежный доход не с текущим потреблением, а понимать под ним всю совокупность средств, полученных и привлечённых за определённый период, среди располагаемых ресурсов будут фигурировать израсходованные сбережения, возвращённые семье долги, займы и кредиты, доход от продажи имущества. Расширительная трактовка дохода, когда он включает денежный эквивалент предоставленных льгот и услуг (через бесплатные для граждан транспортные и медицинские услуги, льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг и т. п.), также применима при изучении уровня и характера потребления. Но для целей настоящего исследования важен иной аспект: роль доходов супругов в формировании первичных доходов домохозяйства, поэтому условно исчисленные доходы от предоставления льгот (иммобильные доходы) исключены из рассмотрения. Однако в последних волнах присутствует переменная «денежная оценка льгот по оплате квартиры и коммунальных услуг в виде денег, которые возвращаются до или после оплаты, не считая субсидии»; она будет включена в сумму надындивидуальных доходов. Заёмные средства (кредиты и займы у частных лиц), израсходованные сбережения, средства от продажи драгоценностей, валюты не калькулировались в составе доходов; помощь родственников и друзей включалась в расчёты доходов, если значение переменных не превышало трёх величин прожиточного минимума (ПМ) (для всего населения РФ в III квартале соответствующего года).

Исходя из набора переменных, имеющихся в базе данных РМЭЗ, *личные доходы* каждого из супругов рассчитывались как сумма выплат на основном месте работы после вычета налогов; денег от продажи продукции, полученной в натуральном виде в качестве оплаты труда на основном месте работы (до 2006 г. включительно); выплат на дополнительном месте работы после вычета налогов; денежной оценки продукции, полученной в натуральном виде в качестве оплаты труда на дополнительном месте работы (до 2004 г. включительно); дохода от других видов работы; пенсии; пособия по безработице. Респондентам при заполнении индивидуальной анкеты задавали обобщающий вопрос о сумме всех денег, которые они получили лично. Чтобы минимизировать пропуски данных о личных доходах из-за затруднений с ответом, при наличии одного из личных доходов⁸, но не указанной его величине переменной «личные доходы респондента» присваивалось значение, указанное как общая сумма всех полученных им средств.

Надындивидуальный доход — это сумма безвозмездной помощи родственников или других субъектов; пособия на детей; дотации и субсидии, связанные с содержанием жилья; ежемесячные денежные выплаты взамен натуральных льгот; пенсии других членов семьи, кроме супругов; стипендии детей; доходы от использования имущества и капитала (от сдачи в аренду имущества, от вложения капитала, от продажи имущества, акций); выплаты по страховкам; алименты; доход от продажи продукции личного подсобного хозяйства, дичи, дикоросов; деньги, полученные от возврата домохозяйству долгов.

Совокупный доход домохозяйства — это сумма надындивидуального дохода и личных доходов партнёров; вклад каждого из них в бюджет домохозяйства определяется отношением величины поступлений, обеспечиваемых супругом (W_m) или супругой (W_f), либо надындивидуального дохода (W_s) к совокупному доходу. Структура семейного бюджета в таком случае представляет собой сочетание долей поступлений из каждого источника, а значения переменных W_m , W_f и W_s лежат в диапазоне 0–100, где крайние значения характеризуют специфическую ситуацию: либо отсутствие доходов определённого рода, либо то, что весь семейный бюджет образуется данным доходом. При сравнении личных доходов соотношение *больше или меньше* используется не в строгом математическом смысле: для того чтобы

⁸ Такой досчёт, восполняющий пропуски данных, делался только в случае наличия какого-либо из личных доходов. К примеру, в каждой волне есть случаи, когда женщины, не имея никаких отдельных видов личных доходов, указывали в обобщающей сумме средств, полученных ими лично, величины, совпадающие с размером пособий на детей или помощи от родителей. Данные поступления включались в надындивидуальные доходы, чтобы избежать «двойного счета», поэтому они не учитывались как личные доходы.

вклад одного из супругов в бюджет считался большим, он должен на пять процентных пунктов превышать вклад партнёра; соответственно вклад считается меньшим, если он на такую же величину «отстаёт» от вклада второго супруга. В остальных случаях роль супругов в формировании бюджета признается равной (подробнее о методике определения структуры бюджетов супружеских домохозяйств см.: [Черкашина 2005]).

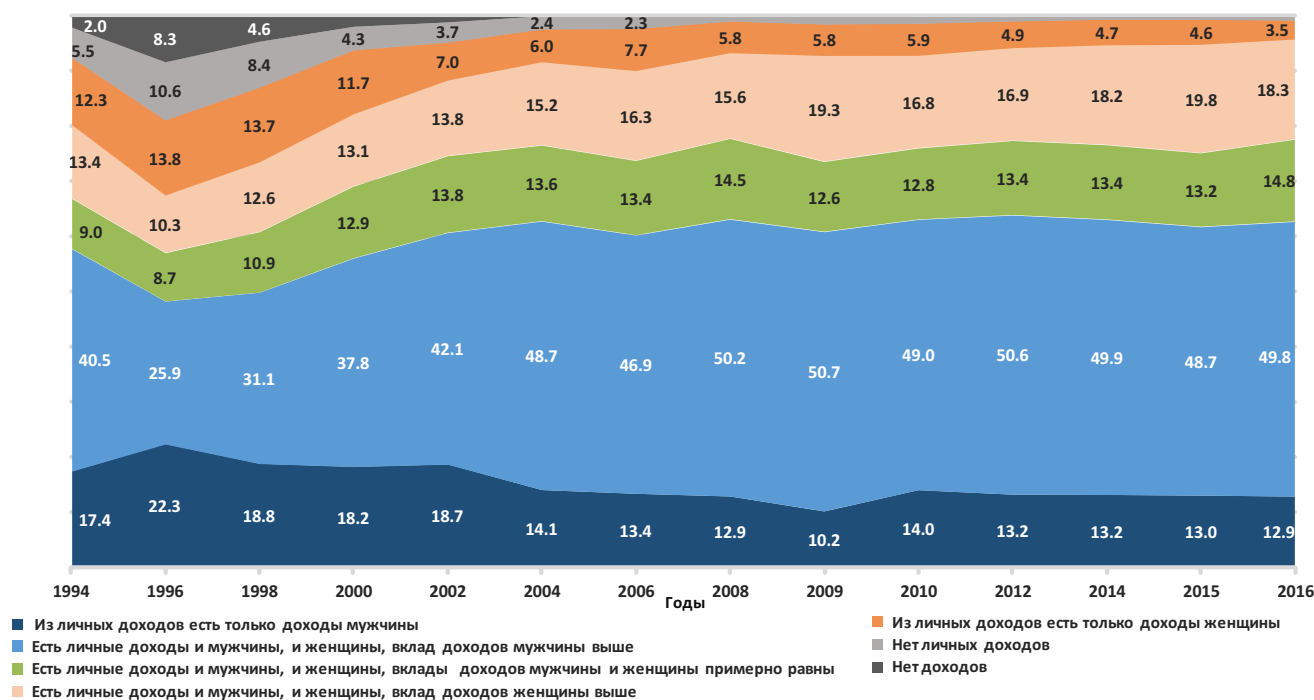
Динамика численности супружеских домохозяйств с разной структурой бюджетов

Сколько в России супружеских домохозяйств с одним и двумя личными доходами?

Если сравнивать во времени численность супружеских домохозяйств, в которых было два получателя личных доходов, самым драматичным будет 1996 г., не номинированный в массовом сознании как кризисный: только в 45% семей доход был у обоих супругов, у 10,6% не было личных доходов, а 8,3% семей были вообще без доходов в течение месяца перед опросом (см. рис. 1). Похожая, но менее острая ситуация наблюдалась в 1998 г. Хотя снижения реальных доходов населения в 2008–2010 и 2014–2016 гг. обозначаются как кризисные, они практически не проявились в динамике численности семей с разным типом бюджетов. Лишь в 2009 г. на 2 п. п. сокращается численность семей, в которых личные доходы есть только у мужчины. За весь рассматриваемый период доля супружеских домохозяйств, где бюджет формируется из личных доходов обоих супругов, выросла с 63–64% во второй половине 1990-х (с «провалом» до 44,9% и 54,6% в 1996 и 1998 гг. соответственно) до 81–83% во второй декаде 2000-х гг. Незначительное сокращение (с четверти до 22–23%) суммарной доли семей с финансовым лидерством женщины сопровождалось изменениями внутри данной категории: существенно сократилась доля бюджетов, в которых только один личный доход, обеспечиваемый женщиной (с 12–14 до 3,5%), но с 10–13% до 18–20% выросла доля семей, в которых при совместном участии в формировании бюджетов женщины вносят в него больший вклад.

Хотя выбран достаточно жёсткий критерий равенства личных доходов (разница их вкладов в семейный доход не должна превышать 5 п. п.), 13–15% бюджетов формируются супругами на равных, и последние полтора десятилетия их доля не меняется. При увеличившейся с 1990-х и стабильной в последнее десятилетие численности семей с финансовым лидерством мужчин (63–64%) наблюдается понижающая тенденция для их единоличного вклада в семейные бюджеты с 18–22% в 1990-е до 13% в 2012–2016 гг. Соответственно примерно в половине супружеских домохозяйств при участии обоих партнёров в формировании бюджета вклад доходов мужчины выше, чем доходов женщины. И в настоящее время не фиксируются семейные бюджеты супружеских домохозяйств, которые не пополнялись бы в течение месяца перед опросом, а доля бюджетов, формирующихся только из надындивидуальных доходов, не превышает 1%, однако надындивидуальные доходы с начала 2000-х гг. стабильно есть у 59–60% супружеских домохозяйств.

Можно сравнить представленные расчёты с данными исследования Института социологии РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (2014 г.), согласно которым 70% мужчин и 16% женщин, состоящих в браке (в том числе и гражданском), отмечают, что в их семьях наибольшие доходы получают именно они [Лежнина 2016: 78]. Прямое сравнение не будет корректным из-за разных параметров выборочных совокупностей и способов фиксации соотношения доходов, но как тенденция результаты однонаправленные, хотя в супружеских домохозяйствах, выделенных из базы РМЭЗ, выше доля тех, где больший из двух личных доходов получают женщины (22,9% в 2014 г.), и меньше семей с финансовым лидерством мужчин (63,1%).

Источник: расчёты автора на данных РМЭЗ.

Рис. 1. Численность супружеских домохозяйств с разным вкладом доходов мужчин и женщин в семейный бюджет, РМЭЗ, в %

В общем, данные РМЭЗ демонстрируют устойчивое типологическое распределение бюджетов супружеских домохозяйств с 2004 г., и начало этого периода совпадает со стабилизацией роста доходов населения, изменением системы социальных трансфертов, увеличением масштабов институциональных денежных займов и другими условиями, так или иначе сказывающимися на доходах домохозяйств. Более подробный анализ структуры бюджетов супружеских домохозяйств и сравнение характеристик семей с разными бюджетами осуществлены далее на данных 2004–2016 гг.

Структура и вклад надындивидуальных и личных доходов в бюджеты супружеских домохозяйств в 2004–2016 гг.

В 2004 г. 58,2% супружеских домохозяйств имели в своём бюджете надындивидуальные доходы; через два года, в 2006 г., — 63,1%, что связано с увеличением получателей государственных трансфертов после изменения системы предоставления льгот и выплат социальных пособий с января 2005 г. В течение следующего десятилетия два из пяти супружеских домохозяйств получали доходы из категории «государственные трансферты», каждое пятое получало помощь от родственников или друзей (частные трансферты) — это два самых распространённых вида надындивидуальных доходов (см. табл. 1).

Доля супружеских бюджетов, в которых был доход от использования «активов» (продажа или сдача в аренду имущества, возврат долгов, проценты от вкладов и др.), снизилась с 7,6% в 2004 г. до 4,6% в 2016 г. Такая же тенденция характерна для доходов от продажи сельскохозяйственной продукции, скота, дикоросов, дичи: в 2004 г. семей с таким доходом было 10,5%, в 2016 г. — 6,4%. И их вклад в бюджет семей снизился с 36–38% до 30–32% в 2014–2016 гг. (в бюджетах семей, имеющих такой доход). Значение частных трансфертов для бюджетов их получателей также сократилось: в среднем с 20% от суммарных доходов до 16%. Государственные трансферты составляют в семейных доходах получателей 8–9% в течение всего периода, но в 2004 г. — 6,3%.

Таблица 1

**Численность супружеских домохозяйств, имеющих различные
надындивидуальные доходы, РМЭЗ, в % по столбцам**

Надындивидуальные доходы	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Государственные трансферты	35,9	41,8	41,8	43,0	41,3	37,8	41,1	43,9	42,2
Пособия на детей до 16 лет	24,5	14,9	11,9	13,4	15,9	12,9	9,9	10,7	10,7
Субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг	8,2	6,9	5,3	6,2	5,0	5,2	5,1	5,4	4,9
Ежемесячные денежные выплаты взамен натуральных льгот	—	18,6	22,8	23,1	17,9	17,5	13,7	15,1	14,5
Льготы по оплате квартиры и коммунальных услуг в виде денег, которые возвращаются до или после оплаты, не считая субсидии	—	—	—	—	—	—	18,8	18,9	18,9
Дотации на топливо	2,2	2,5	3,3	2,7	2,6	2,0	1,9	1,2	0,8
Другие государственные трансферты	4,1	3,6	3,0	4,1	5,6	4,6	3,9	6,3	6,4
Частные трансферты	25,1	25,2	23,3	22,8	21,3	21,5	23,5	23,7	23,8
От родителей, от бабушек и (или) дедушек	16,8	18,0	15,1	14,9	16,4	15,5	16,4	17,4	18,0
От детей, от внуков	16,3	17,7	14,6	14,8	15,9	14,9	16,1	17,3	17,6
Трансферты от других субъектов	1,7	2,1	1,6	1,6	1,5	1,4	0,5	1,0	1,3
Доход от использования имущества, накоплений	7,6	7,0	5,2	5,1	5,2	5,2	5,6	4,8	4,6
Доход от продажи продукции личных подсобных хозяйств, дикоросов, дичи	10,5	8,5	6,8	7,9	6,8	11,4	6,5	6,4	6,4
Всего супружеских домохозяйств, имеющих надындивидуальные доходы в семейном бюджете	58,2	63,1	59,5	60,9	59,1	56,7	59,6	61,6	61,3

Если в 2004 г. самым распространённым видом государственных трансфертов были детские пособия — их получало каждое четвёртое супружеское домохозяйство, то уже после «монетизации льгот» их численность сократилась до 14,9% в 2006 г., а далее — до 10% среди супружеских домохозяйств. Но включение в государственные трансферты единой денежной выплаты взамен натуральных льгот, других денежных выплат сохраняет стабильной общую численность получателей государственных трансфертов.

Изменения произошли и в составе личных доходов партнёров в супружеских домохозяйствах: увеличилось число получателей пенсий, среди женщин — в большей степени (см. табл. 2); одновременно стало больше получающих выплаты по основному месту работы (данная тенденция сильнее выражена для доходов мужчин). Меньше и мужчин, и женщин стали подрабатывать, получать доход от какой-либо работы, кроме основной и дополнительной, а дополнительная работа есть только у 2% супругов из супружеских домохозяйств.

Таблица 2

Численность мужчин и женщин из супружеских домохозяйств, имеющих различные личные доходы, РМЭЗ, в % по столбцам

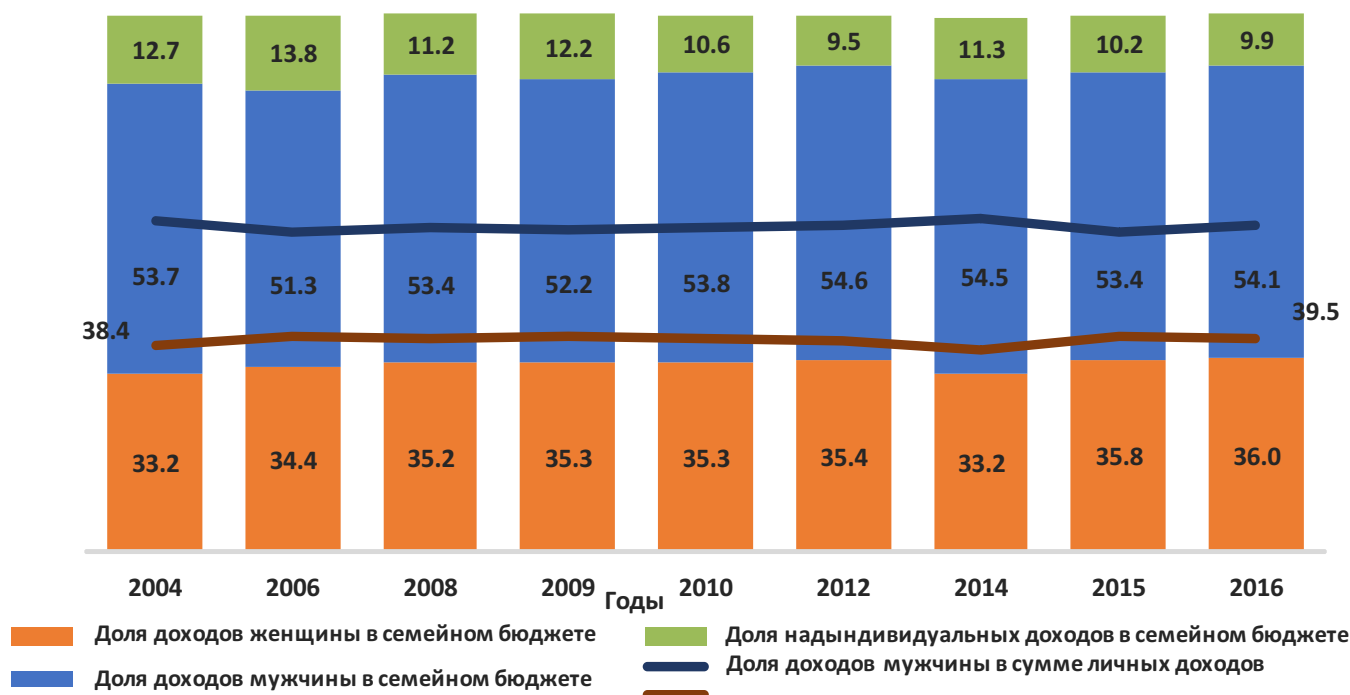
Личные доходы	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
<i>Мужчины, все супружеские домохозяйства</i>									
Выплаты на основном месте работы	56,2	58,9	59,9	57,8	64,0	62,9	61,9	60,0	61,8
Выплаты на дополнительном месте работы	2,2	3,2	2,8	2,1	2,0	2,1	2,2	1,6	2,1
Подработки, другие заработки	8,8	6,8	5,1	6,5	5,6	6,1	5,6	5,8	5,1
Пенсии	35,9	34,3	38,7	38,8	33,6	35,9	38,4	39,1	40,0
<i>Женщины, все супружеские домохозяйства</i>									
Выплаты на основном месте работы	48,6	51,7	52,6	55,2	54,8	53,2	52,2	51,2	51,6
Выплаты на дополнительном месте работы	1,7	2,8	2,4	2,1	2,1	2,5	2,4	2,5	2,2
Подработки, другие заработки	4,3	4,4	3,9	3,9	3,8	3,6	3,2	4,1	3,7
Пенсии	35,9	37,7	40,5	40,2	35,0	38,3	40,9	41,2	42,5
<i>Мужчины, домохозяйства с супругами в возрасте от 25 до 60 (женщины) и (или) 65 (мужчины) лет</i>									
Выплаты на основном месте работы	70,2	72,5	75,5	72,4	77,2	77,4	77,3	77,0	80,7
Выплаты на дополнительном месте работы	2,6	3,9	3,5	2,5	2,6	2,7	2,7	2,3	2,9
Подработки, другие заработки	11,2	8,2	6,3	7,4	6,6	7,4	6,6	7,4	6,4
Пенсии	16,5	16,6	18,6	19,6	17,2	17,5	18,2	17,1	17,9
<i>Женщины, домохозяйства с супругами в возрасте от 25 до 60 (женщины) и (или) 65 (мужчины) лет</i>									
Выплаты на основном месте работы	62,5	65,4	67,8	69,7	67,7	66,6	67,4	66,6	67,6
Выплаты на дополнительном месте работы	2,1	3,5	3,0	2,9	2,7	3,3	3,2	3,3	2,8
Подработки, другие заработки	4,9	5,3	4,5	4,6	4,3	4,1	3,4	5,2	4,6
Пенсии	15,7	20,9	20,6	20,5	18,5	20,2	20,7	18,9	19,9

В среднем доля надындивидуальных доходов в бюджетах супружеских домохозяйств составляет 10%. Средняя доля доходов мужчины в общем бюджете: 51–55% или 60–63% от суммарных личных доходов; вклад в бюджет личных доходов женщины: 33–36%, в сумме личных доходов — 36–40% (см. рис. 2)⁹. Если ограничиться совокупностью домохозяйств, в которых супруги старше 25 лет, но не перешагнули возрастную границу «пенсионный возраст плюс 5 лет», наблюдается небольшое повышение средних значений вклада доходов мужчины (до 54–56%) при зеркальном снижении вклада доходов женщины (до 33–36%).

В данном исследовании в состав личных доходов включены как оплата труда, так и пенсии. Если ограничиться только первой, возможно приблизительное сравнение со структурой совокупности американских семей (см. рис. 3). Конечно, эти сравнения должны учитывать более ранний выход на пенсию россиян, что уменьшает общую долю домохозяйств и с получателями заработной платы, и с «двумя

⁹ ВЦИОМ в начале 2018 г. во всероссийском опросе обратился к респондентам с вопросом: «Скажите, пожалуйста, какой вклад Вы вносите в общий бюджет Вашей семьи (пары)? Отметьте процент от 0 до 100, где 0 — “совсем не обеспечиваю семью”, а 100 — “полностью обеспечиваю семью”». Среднее значение по ответам женатых, проживающих вместе, встречающихся и давших ответ на вопрос (в указанной подвыборке затруднились ответить 3,8%, не ведут общий бюджет 1,7%) у мужчин — 75%, у женщин — 44% [ВЦИОМ 2018]. Если принять, что данные РМЭЗ дают более приближенное к реальности описание ситуации, усреднённые россияне в опросах общественного мнения переоценивают свой вклад в семейный бюджет, причем мужчины в большей мере завышают значимость своих доходов.

Источник: расчеты автора на данных РМЭЗ.

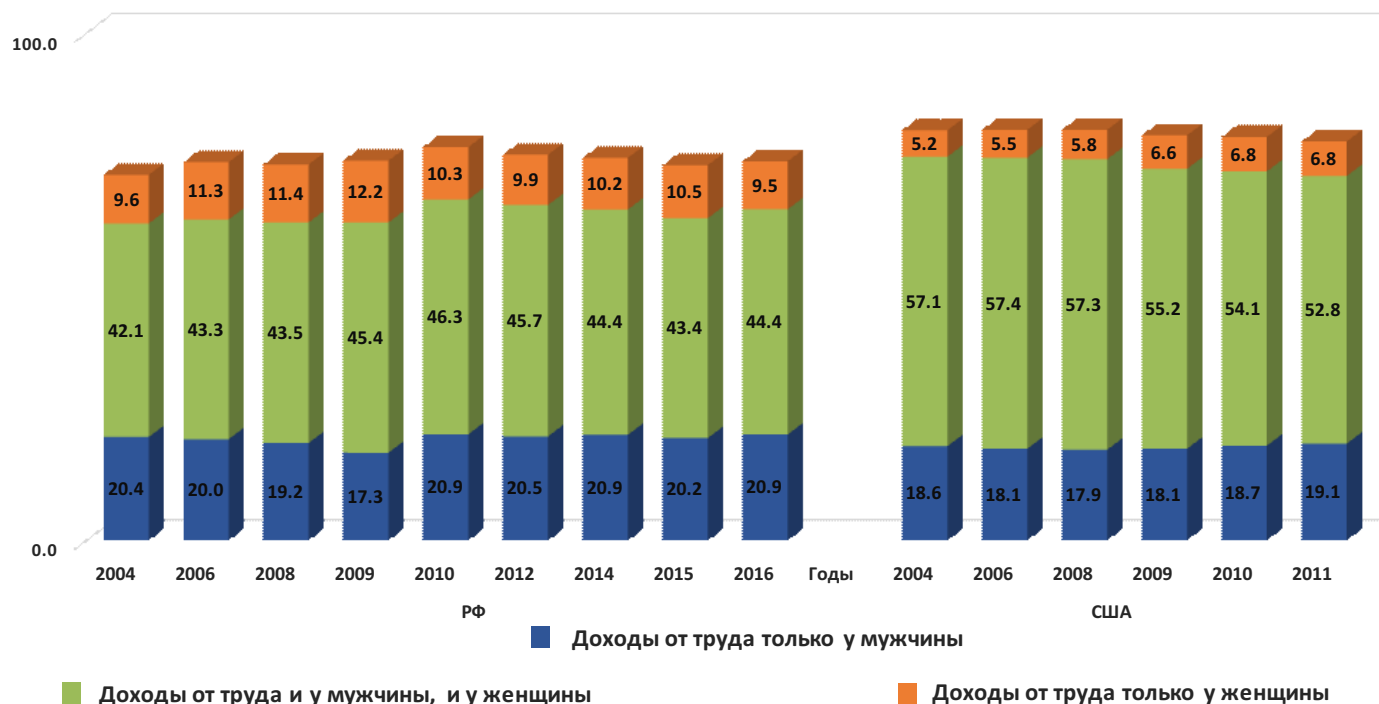
Рис. 2. Средняя доля (в % по столбцам) личных и надындивидуального доходов в бюджетах супружеских домохозяйств

зарплатами». Более высокая относительная численность российских семей, в которых зарабатывают только женщины, не означает, что у их партнёра нет доходов (ведь семей только с личными доходами женщин во всей совокупности 3,5%), просто в большинстве таких случаев он представлен пенсиями. Но в целом у 42–46% российских супружеских домохозяйств и у 53–57% американских семейных пар бюджет формируется из двух зарплат; у каждой пятой пары в обеих странах — только из зарплаты мужчины; из зарплаты женщины — в каждом десятом российском супружеском домохозяйстве, в США — у 6–7% пар.

Итак, при изначально небольшой численности бюджетов, формируемых из личных доходов только женщин, их стало с 2004 г. ещё меньше, практически исчезла ситуация отсутствия в семье каких-либо текущих доходов; из-за этого примерно на 5 п. п. стало больше семей с двумя личными доходами, но на усреднённых показателях доли в бюджетах личных доходов мужчин и женщин и надындивидуальных доходов это не сказалось. Ещё одной неярко выраженной, но устойчивой тенденцией в доходах супружеских домохозяйств стала «концентрация доходов»: ненамного, но выросла доля получателей выплат на основном месте работы, пенсий при снижении имеющих подработки. Если в бюджете есть надындивидуальные доходы, то, как правило, одной категории — либо государственные, либо частные трансферты. Семей, в бюджет которых поступали надындивидуальные доходы двух и более категорий, стало меньше: 20,6% в 2004 г. и 15,7% в 2016 г.

Методические комментарии

В 2004–2016 гг. данные фиксируют относительно стабильную ситуацию с точки зрения численности супружеских домохозяйств с разным соотношением личных доходов супругов. Как изменение можно отметить, во-первых, сокращение доли бюджетов, в которых только один личный доход, обеспечиваемый женщиной, при увеличении доли семей, где женщины вносят больший вклад в бюджет при участии обо-

Источник: расчёты автора на данных РМЭЗ и Бюро статистики труда США [U.S. Bureau of Labor Statistics 2014].

Рис. 3. Доля семей (в %), отличающихся наличием доходов от занятости мужчин и женщин в семейном бюджете, в общей численности супружеских семей в РФ и США

их супругов в его формировании, хотя общая численность семей с «финансовым лидерством» женщин не растёт. Во-вторых, в совокупности супружеских домохозяйств увеличивается доля получателей пенсий как среди мужчин, так и среди женщин. Связано ли это с изменением характеристик выборки супружеских домохозяйств за это же время?

По сравнению с совокупностью всех мужчин в возрасте 18 лет и старше среди мужчин из супружеских домохозяйств больше представлены старшие возрастные группы (к примеру, в 2016 г. среди всех мужчин, опрошенных в РМЭЗ, старше 60 лет было 24,2%, в супружеских домохозяйствах — 32,9%); среди всех женщин старше 18 лет в указанную возрастную группу входили 36,4%, среди женщин из супружеских домохозяйств — 29,9%. Ожидаемо меньше (чем в целом в выборке РМЭЗ) среди супругов доли молодых до 30 лет. Но стоит отметить «межволновые» смещения распределения супругов по возрастным группам: в 2004–2009 гг. растёт доля домохозяйств, состоящих только из супружеской пары, в которой женщине больше 45 лет (см. табл. 3). В 2006 г. в большинстве регионов выборка была пополнена новыми домохозяйствами; с 2010 г. РМЭЗ осуществляется НИУ ВШЭ [Kozyreva, Kosolapov, Porokin 2016], и смена патронажа мониторинга сопровождалась существенным увеличением выборки: 9578 индивидов из 3727 домохозяйств в 2009 г. и 16 867 индивидов из 6325 домохозяйств в 2010 г. Для супружеских домохозяйств это проявилось «омоложением» совокупности и повышением доли молодых семей в 2006 и 2010 гг. Но уже в дальнейшем наблюдается постепенное «старение» совокупностей супружеских домохозяйств. Полагаю, что в этом проявляется и эффект панели: наиболее стабильной частью панельной выборки мониторинга являются домохозяйства супругов старших возрастов. К примеру, из взрослых пар (женщине больше 45 лет) без детей, опрошенных в 2015 г., выбыли¹⁰ из обследования в 2016 г. 7,3%; среди пар с ребёнком до 3-х лет — 11,0%; среди молодых пар без детей — 22,2%. Если оценивать устойчивость нахождения в совокупности не всех, а только супружеских

¹⁰ Ни один из членов домохозяйства не участвовал в обследовании в следующую волну.

домохозяйств, то из молодых бездетных пар через год остались в ней 66,7%, из молодых пар с детьми до 3-х лет — 74,4%, а из взрослых пар (женщине больше 45 лет) без детей — 83,6%¹¹. Иными словами, молодые семьи выбывают из панели РМЭЗ и подвыборки супружеских домохозяйств интенсивнее, чем происходит их замещение при компенсации истощения панели.

Ещё один источник смещений связан с формированием совокупности супружеских домохозяйств по принципу воронки: сперва выбираются все домохозяйства, в которых есть супружеская пара; затем отсекаются домохозяйства, в которых есть старшие по отношению к супругам родственники; на третьем шаге отсекаются супружеские домохозяйства, в которых вместе с супругами живут взрослые дети, имеющие самостоятельные доходы; на четвёртом шаге из подвыборки исключаются домохозяйства, в которых кто-либо из супругов не заполнил индивидуальную анкету. Среди семей, где один из супругов отказался от заполнения индивидуальной анкеты, соотношение отказов женщин и мужчин примерно 20 : 80. При отказах от опроса женщины мужчины представляют преимущественно старшую возрастную группу, а при отказе мужчин женщины из этих семей входят в группы среднего возраста. Учитывая разный масштаб отказов от индивидуального опроса со стороны мужчин и женщин, на последнем шаге формирования выборки сужается за счёт выбытия преимущественно семей средних возрастов.

Таблица 3

Численность супружеских домохозяйств, находящихся на разных этапах жизненного цикла семьи, в % по столбцам

Характеристики домохозяйств и их членов	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
	Молодая пара (женщине до 35 лет) без детей	3,8	5,4	5,2	4,8	6,0	5,4	5,0	4,7
Пара с (младшим) ребёнком до 3 лет	7,0	8,3	8,9	9,5	11,6	10,1	9,9	9,9	8,3
Пара с (младшим) ребёнком 3–6 лет	11,6	10,0	11,1	8,9	11,5	12,2	13,3	12,1	12,4
Пара с (младшим) ребёнком 7–15 лет	24,2	20,8	18,3	18,7	17,8	17,3	15,4	17,1	17,0
Пара с (младшим) ребёнком 16 лет и старше	11,2	12,0	6,8	10,2	9,9	8,2	7,9	8,1	8,0
Взрослая пара (женщине 36–45 лет), в домохозяйстве нет детей	2,4	2,7	3,4	3,1	3,9	3,5	3,2	2,9	3,1
Взрослая пара (женщине больше 45 лет), в домохозяйстве нет детей	39,9	40,8	46,3	44,7	39,3	43,3	45,3	45,2	46,8

С учётом динамики демографических характеристик супружеских домохозяйств увеличение в 2010 г. получателей доходов в виде оплаты труда (см. табл. 2) и численности семей, в которых только мужчины получают личные доходы (см. рис. 1), связано с «омоложением» выборки. В целом можно предполагать, что выборка супружеских домохозяйств в РМЭЗ смещается в сторону старших возрастных групп. Вариант минимизации такого смещения выборки для динамических сравнений — ограничить рассматриваемую совокупность верхней возрастной границей (см. табл. 4). Тогда увеличение в 2004–2016 гг. численности семей, где мужчины и женщины имеют личные доходы, но доходы женщин выше, характерно только для всей совокупности супружеских домохозяйств, но не для тех, в которых супруги не достигли пенсионного возраста. Иными словами, хотя и слабая, но проявившаяся тенденция обусловлена, скорее, изменением состава супружеских домохозяйств и нарастающим сочетанием трудовой занятости женщин старших возрастов с получением пенсий, чем изменением гендерного соотношения доходов в более молодых возрастных группах.

¹¹ В этом случае семьи, опрошенные в 2015 г., могли выбыть как из панели РМЭЗ, так и из совокупности супружеских домохозяйств из-за смены принадлежности к тому или иному классу домохозяйств.

Таблица 4

Численность супружеских домохозяйств с разным вкладом доходов мужчин и женщин в семейный бюджет, в % по столбцам

Характеристики домохозяйств и их членов	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
<i>Все супружеские домохозяйства</i>									
Из личных доходов есть только доходы мужчины	14,1	13,4	12,9	10,2	14,0	13,2	13,2	13,0	12,9
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклад доходов мужчины выше	48,7	46,9	50,2	50,7	49,0	50,6	49,9	48,7	49,8
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклады доходов мужчины и женщины примерно равны	13,6	13,4	14,5	12,6	12,8	13,4	13,4	13,2	14,8
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклад доходов женщины выше	15,2	16,3	15,6	19,3	16,8	16,9	18,2	19,8	18,3
Из личных доходов есть только доходы женщины	6,0	7,7	5,8	5,8	5,9	4,9	4,7	4,6	3,5
Нет личных доходов	2,4	2,3	1,0	1,5	1,4	0,9	0,6	0,7	0,8
<i>Домохозяйства с супругами в возрасте от 25 до 60 (женщины) и (или) 65 (мужчины) лет</i>									
Из личных доходов есть только доходы мужчины	17,9	15,6	16,3	12,8	16,6	16,8	17,2	18,1	17,9
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклад доходов мужчины выше	47,8	45,9	48,7	49,8	48,2	48,7	47,5	46,3	49,4
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклады доходов мужчины и женщины примерно равны	8,6	9,3	10,0	8,9	9,9	10,7	9,8	9,8	10,6
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклад доходов женщины выше	15,0	17,2	16,2	19,3	16,3	16,5	18,7	19,1	16,9
Из личных доходов есть только доходы женщины	8,0	9,7	7,5	7,3	7,4	6,3	6,0	6,0	4,3
Нет личных доходов	2,7	2,3	1,3	1,9	1,5	1,0	0,8	0,8	0,8
<i>Домохозяйства с супругами в возрасте от 25 до 54 (женщины) и (или) 59 (мужчины) лет</i>									
Из личных доходов есть только доходы мужчины	19,0	17,8	19,3	15,5	19,1	19,8	20,8	21,7	21,3
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклад доходов мужчины выше	47,9	45,2	50,0	50,5	49,0	49,6	48,5	47,6	49,8
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклады доходов мужчины и женщины примерно равны	8,0	8,5	8,3	8,3	9,3	9,0	8,8	8,9	10,3
Есть личные доходы и мужчины, и женщины; вклад доходов женщины выше	14,3	15,8	13,1	15,8	13,4	14,1	15,1	14,9	13,4
Из личных доходов есть только доходы женщины	7,9	10,0	7,9	7,7	7,5	6,4	6,1	6,0	4,3
Нет личных доходов	3,0	2,8	1,5	2,3	1,7	1,1	1,0	0,9	0,9

Социальные и экономические характеристики домохозяйств с разным участием супругов в формировании семейных бюджетов

Сравнительное описание домохозяйств, отличающихся структурой семейных бюджетов, будет сделано на данных 2004, 2010 и 2016 гг. Каждая группа домохозяйств, отличающаяся структурой бюджетов с точки зрения вклада в него доходов мужчин и женщин, описывается через следующие индикаторы: этап жизненного цикла семьи (см. рис. 4); занятость мужчин и женщин (см. рис. 5); уровень жизни домохозяйств (см. рис. 6); проживание в городских и (или) сельских населённых пунктах; наличие различных надындивидуальных доходов.

Домохозяйства, в бюджетах которых из личных доходов есть только доходы мужчины. Мужчина может быть единственным получателем личных доходов, если он работает: доля мужчин-пенсионеров, в том числе работающих, в этой группе семей минимальна (к примеру, по 3,3% в 2016 г., тогда как во всей совокупности — 30,2 и 10,3% соответственно). Большинство женщин в таких семьях не работают (72,3%) либо находятся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребёнком (17,8%). В 2016 г. в данной группе доля домохозяйств с детьми до 3-х лет в четыре раза выше, чем в совокупности (35,7 и 8,3% соответственно); семей с младшим ребёнком в возрасте 3–6 лет и 7–15 лет — 21,1 и 19,7 % (во всей совокупности супружеских домохозяйств — 12,5 и 16,9%). Супружеских домохозяйств без детей, в которых женщины старше 36 лет, — 14,6% (во всей совокупности — 50%). Иными словами, в большинстве случаев единоличное финансовое лидерство мужчин в семье связано с уходом женщины из оплачиваемой занятости в связи с рождением и воспитанием детей.

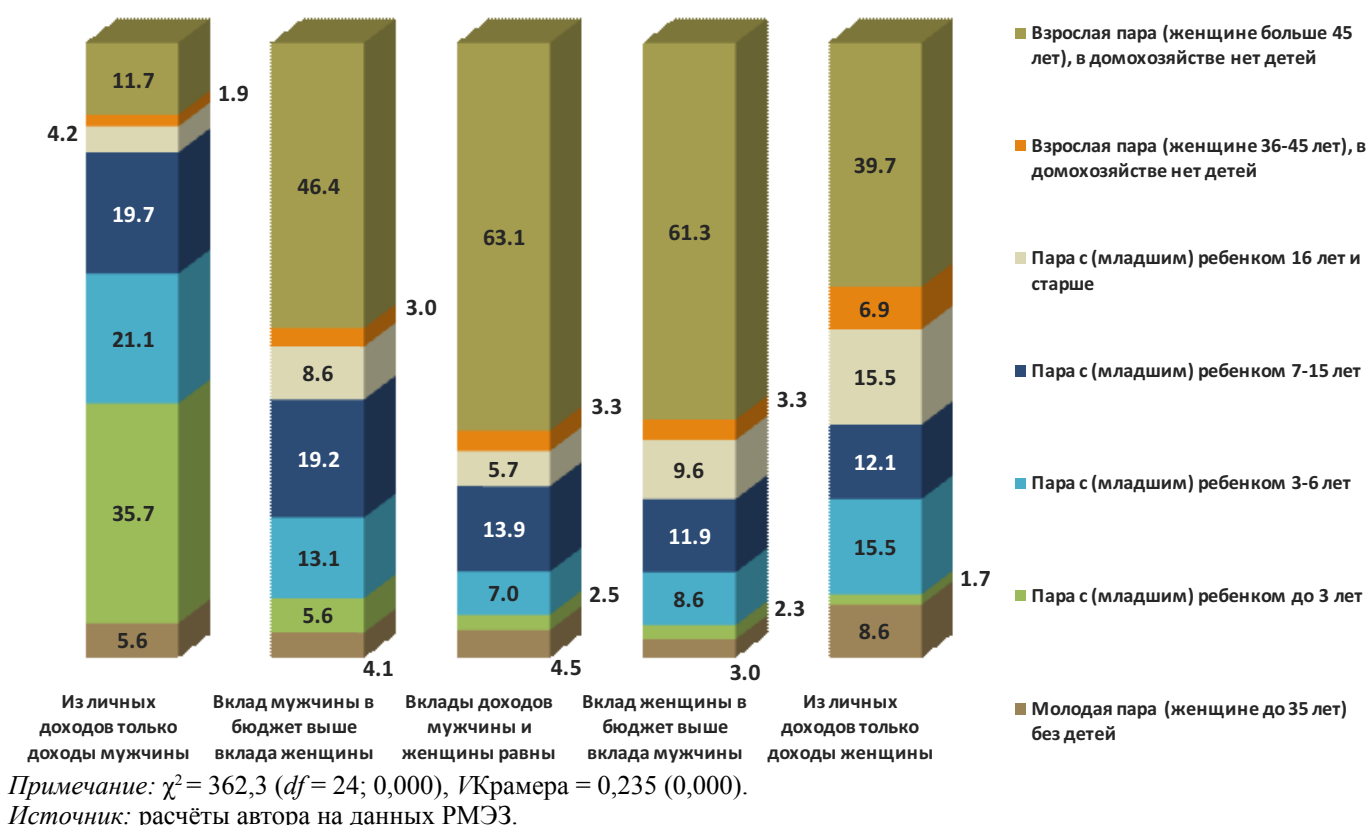
Проживающих в областных центрах таких домохозяйств 44,1%. В этой группе семей наиболее низкая (по сравнению с остальными группами) доля домохозяйств без надындивидуальных доходов: 33,8% в 2016 г. (38,7% во всей совокупности; в 2010 г. — 30,8 и 40,9% соответственно; в 2004 г. — 27,0 и 41,8% соответственно), а в надындивидуальных доходах присутствуют в большинстве случаев государственные (у 39,4% семей в 2016 г., 46,1% в 2010 г. и 54,6% в 2004 г.) или частные трансферты (39,4, 36,0 и 31,3% соответственно по годам). Иначе говоря, за 10 лет получателей государственных трансфертов в данной группе семей стало меньше, но это отчасти компенсировалось увеличением доли получателей частных трансфертов. Сокращение получателей государственных трансфертов произошло за счёт уменьшения числа семей, получающих детские пособия: 42,9% в 2004 г., 31,5% в 2010 г. и 26,9% в 2016 г., при этом численность семей с детьми не изменилась. В этой группе 44,6% домохозяйств в 2016 г. имели душевые доходы ниже величины прожиточного минимума¹² (в 2004 г. — 55,7%; в 2010 г. — 46,7%); душевой доход выше 1,5 ПМ был у 23,9% (25,7% в 2004 г.; 26,6% в 2010 г.).

Домохозяйства, в бюджетах которых есть личные доходы и мужчины, и женщины, вклад доходов мужчины выше. Это самый многочисленный тип бюджетов, поэтому распределение семей, находящихся на разных этапах жизненного цикла, а также по статусу занятости супругов практически не отличается в целом от совокупности супружеских домохозяйств. В 2016 г. более чем в половине семей мужчины работали (55,6%); среди женщин работающих было 49,3%; 26,5% мужчин — неработающие пенсионеры, среди женщин таких было 38,8%. На постродительских этапах жизненного цикла (без детей, женщины старше 45 лет) находятся 46,4% домохозяйств. Ещё один распространённый тип — домохозяйства с (младшим) ребёнком в возрасте 3–15 лет (32,3%).

Домохозяйства, в бюджетах которых есть личные доходы и мужчины, и женщины, их вклады примерно равны. В этой группе стабильно во все сравниваемые раунды РМЭЗ высоки доли семей без детей, в которых женщины старше 45 лет (63,1% при 46,9% во всей совокупности в 2016 г.), мужчин и женщин — неработающих пенсионеров (53,3 и 52,9%) и работающих мужчин и женщин (36,5 и 36,9% соответственно).

Домохозяйства, в бюджетах которых есть личные доходы и мужчины, и женщины, вклад доходов женщины выше. Такое соотношение личных доходов также характерно для супружеских домохозяйств без детей, в которых женщины старше 45 лет (в 2016 г. — 61,3%) либо с (младшим) ребёнком старше 3-х лет. Примерно две пятых мужчин и женщин работают, половина мужчин и примерно 60% женщин — пенсионеры, но работающих пенсионеров среди мужчин в 2016 г. 5,6%, среди женщин — 36,8% (близкое соотношение работающих и неработающих пенсионеров среди мужчин и женщин из данной группы домохозяйств наблюдается в 2004 и 2010 гг.).

¹² Рассчитанного для каждого домохозяйств с учётом состава и величин прожиточного для отдельных категорий населения в регионе проживания.

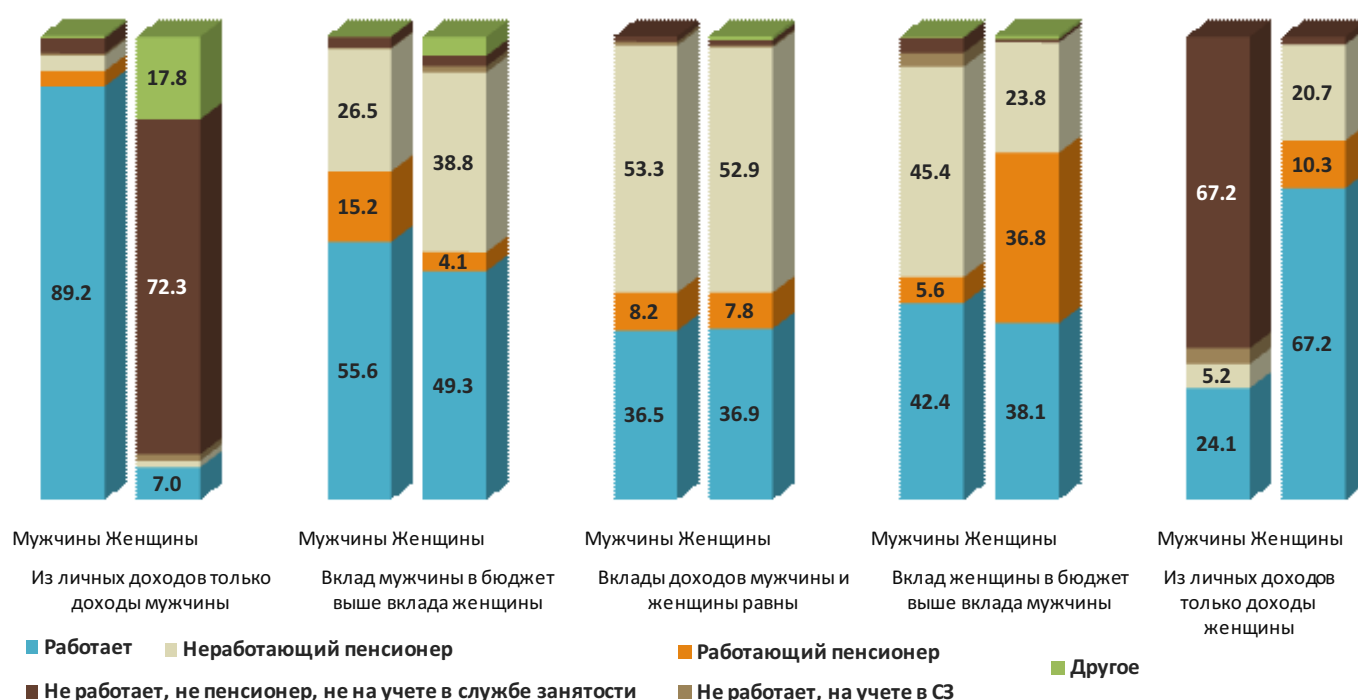

Рис. 4. Численность домохозяйств (в %) на разных этапах жизненного цикла при разной структуре бюджета, 2016 г.

Три последние группы семей объединяет относительно низкая доля бедных: в 2016 г. душевой доход ниже ПМ был у 10,2% семей, в которых из двух личных доходов выше доход мужчины, у 7,8% семей с примерно равными доходами супругов и у 14,3% семей, в которых доходы женщины превышают доходы мужчины. В 2004 г. эти показатели были 23,2, 20,6 и 41,4% соответственно, в 2010 г. — 11,7, 12,1 и 15,9%. Параллельно с сокращением бедных среди домохозяйств, где доходы женщин превышают доходы мужчин, в этой группе увеличивалась численность женщин — работающих пенсионеров: 22,2% в 2004 г., 30,8% в 2010 г. и 36,8% в 2016 г. Мужчин — работающих пенсионеров было 6,8, 7,0 и 5,6% соответственно. Таким образом, вывод большей части бедных семей этой группы из зоны дефицита доходов обеспечен продолжением занятости женщин после достижения пенсионного возраста.

Большая представленность среди семей с двумя личными доходами супругов старших возрастов обуславливает структуру надындивидуальных доходов, а реформирование системы льгот — динамику численности их получателей. Получателей государственных трансфертов стало больше: 30–34% в 2004 г., 41–43% в 2010 г., 40–52% в 2016 г. Из трёх сравниваемых раундов в 2010 г. появилась ежемесячная денежная выплата взамен натуральных льгот (она была у 20–28% супружеских домохозяйств с двумя личными доходами в 2010 г. и у 14–23% всех супружеских домохозяйств в 2016 г.), в 2016 г. — льготы по оплате жилья и коммунальных услуг, получаемые деньгами (были у 20–29% таких домохозяйств). Фактически, возможность получить льготы в денежном выражении для этих семей стала способом увеличения мобильных доходов.

Домохозяйства, в бюджетах которых из личных доходов есть только доходы женщины. Пожалуй, это единственная группа домохозяйств из пяти сравниваемых с выраженным территориальным профилем: 43,1% домохозяйств относится к сельским населённым пунктам. Хотя доминирующий демографиче-

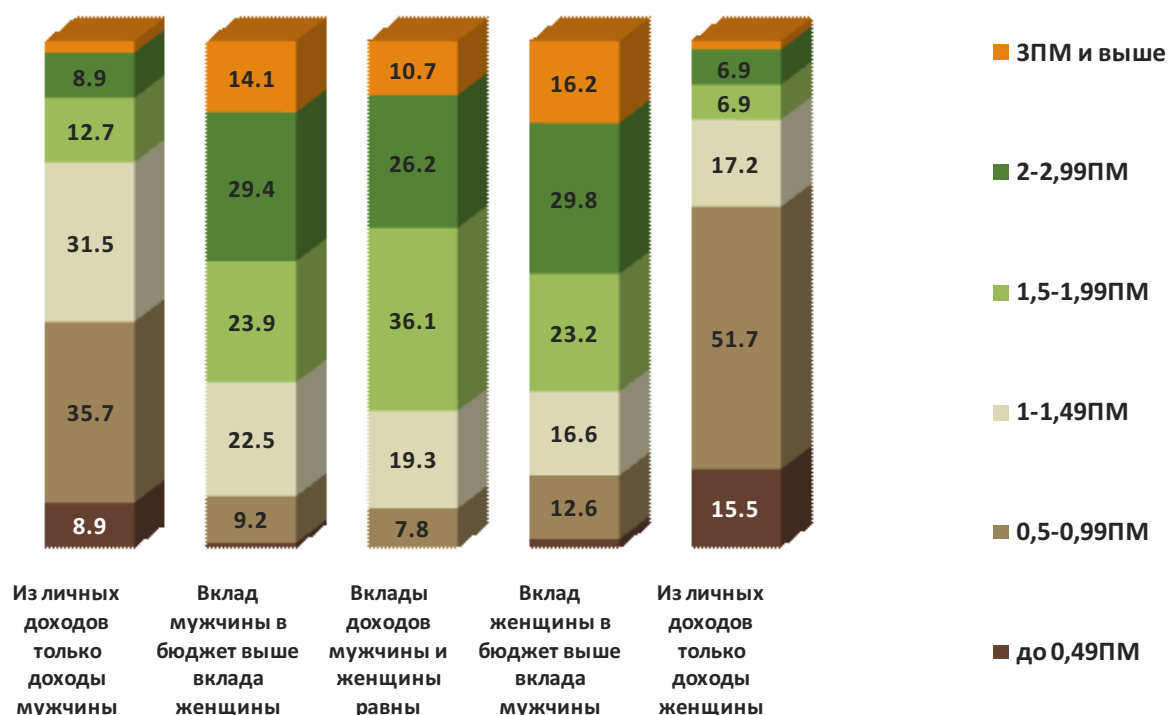
Примечание: для переменных «статус занятости мужчин» и «структура бюджета домохозяйства» — $\chi^2 = 768,1$ ($df = 20$; 0,000), V Крамера = 0,342 (0,000); для переменных «статус занятости женщин» и «структура бюджета домохозяйства» — $\chi^2 = 1411,0$ ($df = 20$; 0,000), V Крамера = 0,464 (0,000).
 Источник: расчёты автора на данных РМЭЗ.

Рис. 5. Численность домохозяйств (в %) с разным статусом занятости мужчин и женщин при разной структуре бюджета, 2016 г.

ский тип семей — «взрослая пара (женщины старше 45 лет), в домохозяйстве нет детей» (39,7%), в этой группе максимальна доля более молодых пар без детей (женщине 36–45 лет) — 6,9% (во всей совокупности — 3,1%); в два раза больше домохозяйств с взрослыми детьми (старше 16 лет) — 15,5% (8,0% во всей совокупности). Примерно 70% женщин из данной группы работают. Финансовое лидерство женщин может быть ситуативным — из-за отсутствия выплат по месту работы супруга, смены мужской места работы, случившихся в период обследования. Но за десятилетие наблюдений такая ситуативность сократилась: в 2004 г. 48,5% мужчин из данной группы не работали и не были пенсионерами, в 2010 г. — 60,8%, в 2016 г. — 70,6%. Душевые доходы ниже прожиточного минимума имеют 67,2% семей (в 2004 г. — 68,1%, в 2010 г. — 71,6%). В данной группе максимальна доля семей, получающих доход от продажи продукции личного подсобного хозяйства (ЛПХ), дичи, дикоросов: 17,2% в 2016 г. (во всей совокупности — 6,4%), 13,8% по сравнению с 6,8% в 2010 г. и 17,1% по сравнению с 10,5% в 2004 г.¹³

В целом структура бюджетов супружеских домохозяйств увязана с демографическим циклом: ожидается, что бюджеты семей с детьми, требующими ухода, формируются преимущественно за счёт доходов мужчины; чем старше супруги, тем более вероятна ситуация равенства личных доходов. Доходы женщин имеют большее значение для семейных бюджетов при слабых позициях мужчины на рынке труда: он либо не работает, достигнув пенсионного возраста, либо просто не работает. В сравнительно худших позициях с точки зрения уровня жизни оказываются домохозяйства с одним личным доходом с той лишь разницей, что при единоличном финансовом лидерстве мужчины бедных семей 45–50%, при

¹³ Мы не можем оценить внутрисемейное распределение времени на производство продукции ЛПХ, промысел дичи, сбор дикоросов. Не исключено, что эти виды доходов обеспечиваются мужчинами, но на имеющихся данных об этом можно говорить только как о предположении.

Примечание: $\chi^2 = 349,5$ ($df = 20$; 0,000), V Крамера = 0,231 (0,000).

Источник: расчёты автора на данных РМЭЗ.

Рис. 6. Численность домохозяйств (в %) с разным душевым доходом при разной структуре бюджета, 2016 г.

финансовом лидерстве женщин — около 70%. Семьи старших поколений, в том числе пенсионеров, оказываются в относительно благоприятной экономической ситуации как по причине «измерения», так и в силу социальной политики государства. В работе уровень жизни домохозяйств определялся через сопоставление с прожиточным минимумом домохозяйства, рассчитанным с учётом его демографического состава. Прожиточный минимум для пенсионеров самый низкий по сравнению с ПМ для лиц трудоспособного возраста и детей, а демографическая нагрузка на доходы в семьях старших возрастов низка, поэтому мы и получаем сравнительно высокий уровень жизни. При этом до последнего времени система текущих социальных трансфертов была ориентирована преимущественно на лиц старших возрастов, а не на детей, что проявилось в бюджетах семей на разных этапах жизненного цикла.

Чтобы оценить значимость совокупности статусных характеристик работающих супругов для реализации домохозяйствами того или иного типа формирования семейного бюджета, рассчитывалась логистическая регрессия, оценивающая вероятность финансового лидерства мужчины (в бюджете домохозяйства присутствуют только его личные доходы или вклад его дохода выше вклада дохода женщины — событие 1) по сравнению с остальными вариантами комбинаций вкладов личных доходов (событие 0) и вероятность финансового лидерства женщины по сравнению с равенством личных доходов или финансовым лидерством мужчины. В качестве предикторов для первой группы уравнений рассматривались статусные характеристики работающих мужчин (уровень образования, форма собственности предприятия, на котором работает респондент (с выделением тех, кто занят не на предприятии), выполнение руководящих функций (наличие подчинённых), наличие у предприятия задолженности по оплате труда перед респондентом, официальность трудоустройства на основном месте работы, наличие дополнительных доходов от труда), а также статус занятости женщины и этап жизненного цикла семьи. Во второй группе уравнений был зеркальный набор переменных: статусные характеристики женщин комбинировались со статусом занятости мужчины и этапом жизненного цикла семьи. Реа-

лизована процедура пошагового включения переменных (критерий — Wald-статистика), параметры уравнений для 2016 г. представлены в приложении (см. табл. П.1 и П.2).

Объяснительная способность уравнений для оценки факторов финансового лидерства женщины в семье увеличивается с 2004 г. к 2016 г., преимущественно за счёт роста значимости статуса занятости партнёра: отсутствие работы у мужчины — основная «причина» высокой значимости личных доходов женщины. Вторая по значимости детерминанта — этап жизненного цикла семьи: чем старше супруги и их дети, живущие в домохозяйстве, тем выше вероятность того, что доходы женщины будут выше доходов мужчины, и эта вероятность увеличивалась за 2004–2016 гг. Стабильно на периферии значимости (но всё же они включаются в состав предикторов) статусные характеристики женщины: выполнение обязанностей руководителя (наличие у неё подчинённых) на основном месте работы и наличие дополнительного дохода от труда (дополнительное место работы или подработка).

Основной значимый предиктор в уравнении, оценивающем финансовое лидерство мужчины, — статус занятости женщины: если она не работает, доходы мужа будут определяющими для бюджета семьи. Остальной набор предикторов, включаемых в уравнение, не стабилен. В 2010 г. в него были включены переменные «этап жизненного цикла семьи» (наличие в домохозяйстве детей до 15 лет, особенно до 3-х лет, увеличивало вероятность финансового лидерства мужчины) и «наличие подчинённых у мужчины на основном месте работы», но в 2016 г. в уравнении были представлены преимущественно факторы, влияющие на *устойчивость* финансового лидерства мужчины. Иными словами, предполагается по умолчанию, что доходы мужчины — определяющие для семейного бюджета, но есть причины, ослабляющие его позицию: задолженность предприятия по оплате его труда, неофициальность трудоустройства, отсутствие дополнительных доходов от труда. Из собственно статусных характеристик в уравнении — лишь образование: чем оно выше, тем выше вероятность финансового лидерства мужчины¹⁴.

Заключение

Левада-Центр трижды спрашивал россиян о причинах наиболее серьёзных ссор в их семьях. По частоте упоминания на первом месте в 2008 и 2016 гг. оказалась «нехватка денег» (34 и 37% респондентов). В 2011 г. нехватку денег немного потеснили «разные взгляды, отсутствие взаимопонимания» (35%, в то время как «нехватка денег» — 32%, и эта разница укладывается в статистическую погрешность) [Аналитический центр... 2016]. Не всегда, но в большинстве случаев в эти конфликты вовлечены именно супруги, и данные опроса обозначают финансы как одну из основных «зон напряжённости» в семейных отношениях, на которую проецируются как макроэкономические условия, так и ролевые ожидания к каждому из супругов. Для финансового благополучия подавляющего большинства российских семей оптимально, чтобы экономические роли супругов обеспечивали два личных дохода, поскольку при одном существенно увеличиваются риски бедности с той лишь разницей, что при единоличном финансовом лидерстве мужчины бедных семей 45–50%, при финансовом лидерстве женщин — около 70%. Среди домохозяйств этой последней группы меньше, чем при других моделях формирования семейного бюджета, получателей государственных трансфертов; меньше получателей частных трансфертов, если сравнивать с семьями с мужчиной — единственным получателем доходов. Фактически система трансфертов слабо страхует семьи, в которых только женщина вносит вклад в семейный бюджет, и семьи с женщиной-кормильцем оказываются в маргинальном положении с точки зрения всех возможных источников доходов.

¹⁴ Если один из супругов не работает, для финансового лидерства второго уже не важен его профессиональный статус. В исследовательском плане, конечно, интересно сравнение, при каких комбинациях профессиональных характеристик обоих работающих супругов более вероятно финансовое лидерство мужчин или женщин, но размер выборки РМЭЗ не позволяет сделать такие статистически корректные оценки.

Получается, что наличие двух личных доходов — критерий благоприятности условий для формирования семейного бюджета, и в таком случае наихудшая макроэкономическая ситуация была в 1996 г., который в публичных дискурсах не определяется как кризисный; похожая, но с меньшей остротой, ситуация наблюдалась в 1998 г. Снижения реальных доходов населения в 2008–2010 и 2014–2016 гг. хотя и обозначаются как кризисные, на микроуровне практически не отразились на изменении численности семей с разными типами бюджетов. Одного штриха недостаточно для альтернативной историографии постсоветских экономических кризисов, тем не менее взаимное, внутрисемейное «страхование» доходов было самым слабым в первой половине 1990-х гг.

С 2004 г. стабилизируется соотношение численности супружеских домохозяйств, реализующих разные модели формирования семейных бюджетов: до 82–83% увеличивается доля тех, чьи бюджеты включают личные доходы обоих супругов, соответственно сокращаются масштабы единоличного финансового лидерства в семье, и женщин это затрагивает в большей степени: доля бюджетов, в которых только один личный доход, обеспечиваемый женщиной, сократилась с 6–7 до 3,5% (в 1990-е таких семей было 12–14%); семей, где только мужчина имеет личные доходы, 13–14% (в 1990-е их было 18–22%). Однако данные РМЭЗ показывают увеличение с 15 до 19% в 2004–2016 гг. доли семей, в которых из двух личных доходов выше доходы женщины. Происходит это за счёт роста численности сочетающих занятость с получением пенсий: женщины, начало трудовой жизни которых выпало на позднесоветский период с гендерным контрактом «работающей матери», сейчас «переходят» на контракт «работающей пенсионерки», и их доходы из двух источников превышают доход партнёра. Однако совокупность семей более молодых поколений стабильна по составу имеющих разные модели бюджетов: данные не выявляют тенденций вытеснения мужчин с позиций кормильца. Результаты моделирования вероятности финансового лидерства в семье показывают, что как статистически заметная тенденция контракт «жены, ориентированной на карьере» не проявляется; если и есть для этого предпосылки, то они малозаметны на фоне более явной тенденции вынужденной ответственности женщины за обеспечение семей из нижних слоёв экономической стратификации.

Но стоит обратить внимание на сокращение с 53% в 1994 г. до 45–46% в 2004–2016 гг. доли супружеских домохозяйств с одной брачной парой с детьми или без и без взрослых старшего поколения. В качестве гипотезы для следующих исследований можно предложить сужение пространства «традиционных» экономических отношений партнёров, когда функция финансового обеспечения семьи закрепляется преимущественно за мужчиной, а женщине отводится роль второго получателя доходов. При ориентации на такой нормативный образец ролевая инверсия, не принимаемая мужчиной и (или) женщиной, может приводить к распаду партнёрства. Отказ от брачных отношений в принципе — это также предпосылка сжатия пространства любых внутрисемейных экономических отношений. Иначе говоря, при обсуждении распределений и тенденций не стоит забывать об изменении эмпирического объекта, в нашем случае — о его сокращении и увеличении в его составе доли семей старших возрастов.

Приложение

Таблица П.1

Параметры логистической регрессии для оценки вероятности событий

(1 — вклад личных доходов мужчины в семейный бюджет выше вклада личных доходов женщины и (или) из личных доходов есть только доходы мужчины;
0 — остальные варианты структуры семейных бюджетов по вкладу личных доходов, 2016 г.)

Независимые переменные	2016 г.				
	<i>B</i> -коэффициент	<i>Wald</i> -статистика	Значимость <i>Wald</i> -статистики	<i>Exp(B)</i>	ΔR^2
Статус занятости женщины		102,057	0,000		23,9%
Работает*					
Работающий пенсионер	- 1,335	27,885	0,000	0,263	
Неработающий пенсионер	1,293	21,405	0,000	3,644	
Не работает, не пенсионер	3,401	32,578	0,000	30,000	
Другое	2,600	12,804	0,000	13,460	
На основном месте работы у мужчины есть невыплаченные деньги		11,654	0,003		1,3%
Есть задолженность предприятия*					
Нет задолженности предприятия	1,227	11,079	0,001	3,410	
Работает не на предприятии	1,365	9,698	0,002	3,914	
Образование мужчины		13,278	0,004		1,8%
Незаконченное среднее*					
Законченное среднее	0,103	0,168	0,682	1,109	
Законченное среднее специальное	0,593	4,453	0,035	1,809	
Законченное высшее	0,719	7,076	0,008	2,052	
Наличие у мужчины доходов от труда помимо основного места работы		5,715	0,017		0,6%
Есть дополнительный доход от труда*					
Нет дополнительного дохода от труда	- 0,961	5,715	0,017	0,382	
Официальность трудоустройства мужчины на основном месте работы		5,123	0,024		0,5%
Да, официально*					
Нет, не оформлен официально	- 0,754	5,123	0,024	0,470	
Константа	0,161	0,085	0,771	1,175	

R-квадрат Нэйджелкерка = 0,281;
верно предсказанных событий 66,6%

Примечание: * — контрастные (референтные) значения переменных.

Таблица П.2

Параметры логистической регрессии для оценки вероятности событий

(1 — вклад личных доходов женщины в семейный бюджет выше вклада личных доходов мужчины и (или) из личных доходов есть только доходы женщины; 0 — остальные варианты структуры семейных бюджетов по вкладу личных доходов, 2016 г.)

Независимые переменные	<i>B</i> -коэф- фициент	<i>Wald</i> - статистика	Значимость <i>Wald</i> - статистики	<i>Exp(B)</i>	ΔR^2
Статус занятости мужчины		97,656	0,000		25,8%
Работает*					
Работающий пенсионер	- 0,829	6,433	0,011	0,437	
Неработающий пенсионер	1,678	35,264	0,000	5,357	
Не работает, не пенсионер	2,317	49,401	0,000	10,146	
Другое	0,972	,558	0,455	2,644	
Этап жизненного цикла семьи		50,314	0,000		6,2%
Молодая пара (женщине до 35 лет) без де- тей*					
Пара с (младшим) ребёнком до 3-х лет	- 0,890	2,864	0,091	0,411	
Пара с (младшим) ребёнком 3–6 лет	- 0,056	0,019	0,892	0,945	
Пара с (младшим) ребёнком 7–15 лет	- 0,262	0,423	0,516	0,769	
Пара с (младшим) ребёнком 16 лет и стар- ше	0,533	1,523	0,217	1,704	
Взрослая пара (женщине 36–45 лет), в до- мохозяйстве нет детей	0,538	1,158	0,282	1,712	
Взрослая пара (женщине больше 45 лет), в домохозяйстве нет детей	1,259	9,966	0,002	3,522	
Наличие у женщины доходов от труда по- мимо основного места работы		15,984	0,000		1,8%
Есть дополнительный доход от труда*					
Нет дополнительного дохода от труда	- 1,317	15,984	0,000	0,268	
Наличие у женщины подчинённых на основном месте работы		7,068	0,008		0,8%
Есть подчинённые*					
Нет подчинённых, не работает	- 0,590	7,068	0,008	0,555	
Константа	0,139	0,075	0,784	1,149	

R-квадрат Нэйджелкерка = 0,346; верно предсказанных событий 75,6%

Примечание: * — контрастные (референтные) значения переменных.

Литература

- Аналитический центр Юрия Левады. 2016. *Семейные ссоры и насилие*. Пресс-выпуск 04.08.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/04/semeynye-ssory-i-nasilie/>
- Ашвин С. 2000. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости. *Социологические исследования*. 11: 63–72.
- Ашвин С. 2006. Гендерная солидарность против экономических трудностей. Влияние советского наследия. *Социологические исследования*. 4: 57–68.
- Балабанова В. С. 1999. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной» адаптации. *Социологические исследования*. 4: 46–57.
- Беккер Г. 2003. Эволюция семьи. В кн.: Беккер Г. *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. Пер. с англ. под ред. Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ВШЭ; 413–436.
- Вовк Е. 2006. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России. *Социальная реальность*. 3: 61–73.
- ВЦИОМ. 2018. Равенство в семье: от деклараций — к реальности? Пресс-выпуск № 3597. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735>
- Давыдова Н. М. 2000. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания. *Общественные науки и современность*. 4: 51–57.
- Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств*. 2018. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812
- Ибрагимова Д. Х. 2012. Кто управляет деньгами в российских семьях? *Экономическая социология*. 13 (3): 22–56. URL: <https://ecsoc.hse.ru>
- Лежнина Ю. П. 2016. Институт семьи в России: на пути трансформации. *Социологическая наука и социальная практика*. 2: 70–90. URL: <http://www.isras.ru/snsp.html>
- Лыткина Т. С. 2004. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье. *Социологические исследования*. 7: 85–90.
- Мезенцева Е. Б., Космарская Н. П. 1998. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России. *Мир России*. 3: 141–188.
- Методологические положения по формированию агрегированных показателей доходов, расходов и потребления домашних хозяйств на основе программы Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств*. 2017. Утверждены Приказом Федеральной службы государственной статистики (Росстат) № 226 от 5 апреля 2017 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/

- Объем и структура денежных доходов населения по источникам поступления. Динамические ряды.* 2019. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
- Показатели деятельности кредитных организаций.* 2018. Центральный Банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=pdko_sub
- Римашевская Н. М., Оников Л. А. (отв. ред.). 1991. *Народное благосостояние: Тенденции и перспективы.* М.: Наука.
- Российский статистический ежегодник.* 2001. Стат. сб. М.: Госкомстат России.
- Тёмкина А. А., Роткирх А. 2002. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России. *Социологические исследования.* 11: 4–15.
- Труд и занятость в России.* 2018. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766
- Цены в России.* 2018. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717314156
- Черкашина Т. Ю. 2005. *Экономические статусы супругов: внутрисемейная иерархия.* Под ред. Т. Ю. Богомоловой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН.
- Ярошенко С. С. 2013. «Женская работа» и личное благополучие: технологии исключения в постсоветской России. *Экономическая социология.* 14 (5): 23–57. URL: <https://ecsoc.hse.ru>
- Atkinson M. P., Boles J. 1984. WASP (Wives as Senior Partners). *Journal of Marriage and Family.* 46 (4): 861–870.
- Bennett F. 2013. Researching Within-Household Distribution: Overview, Developments, Debates, and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and Family.* 75 (June): 582–597.
- Berk S. F. 1985. *The Gender Factory: The Apportionment of Work in American Households.* New York, NY: Plenum.
- Burgoyne C. B. et al. 2006. «All My Worldly Goods I Share with You»? Managing Money at the Transition to Heterosexual Marriage. *The Sociological Review.* 54: 619–637.
- Cantillon S. 2013. Measuring Differences in Living Standards Within Households. *Journal of Marriage and Family.* 75 (June): 598–610.
- Charles N., James E. 2003. Gender and Work Orientation in Conditions of Job Insecurity. *British Journal of Sociology.* 54 (2): 239–257.
- Duflo E., Udry C. 2004. *Intrahousehold Resource Allocation in Côte d'Ivoire: Social Norms, Separate Accounts and Consumption Choices.* National Bureau of Economic Research Working Paper 10498. URL: <http://www.nber.org/papers/w10498>

- Hakim C. 2003a. *Models of the Family in Modern Societies: Ideals and Realities*. Aldershot, UK: Ashgate.
- Hakim C. 2003b. Public morality versus personal choice: the failure of social attitude surveys. *British Journal of Sociology*. 54 (3): 339–345.
- Hodge S. A., Lundeen A. 2013. *America Has Become a Nation of Dual-Income Working Couples*. The Tax Foundation. URL: <https://taxfoundation.org/america-has-become-nation-dual-income-working-couples/>
- Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. 2016. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey-Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013. *International Journal of Epidemiology*. 45 (2): 395–401. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5007614/>
- Laurie H., Rose D. 1994. Divisions and allocations within households. In: Buck N. et al. (eds). *Changing Households: The British Household Panel Survey 1990–1992*. Colchester. UK: University of Essex; 220–242.
- Lundberg S., Pollak R. A., Wales T. J. 1997. Do Husband and Wives Pool Their Resources? Evidence from the U.K. Child Benefit. *Journal of Human Resources*. 32 (Summer): 463–480.
- Lyssens-Danneboom V., Mortelmans D. 2014. Living Apart Together and Money: New Partnerships, Traditional Gender Roles. *Journal of Marriage and Family*. 76 (5): 949–966.
- McRae S. 2003. Constraints and Choices in Mothers' Employment Careers: A Consideration of Hakim's Preference Theory. *British Journal of Sociology*. 54 (3): 317–338.
- Nesvetailova A. 2015. *The Offshore Nexus, Sanctions and the Russian Crisis*. IAI Working Papers 15. URL: <http://www.iai.it/en/publicazioni/offshore-nexus-sanctions-and-russian-crisis>
- Nock S. L. 2001. The Marriages of Equally Dependent Spouses. *Journal of Family Issues*. 22 (6): 755–775.
- OECD. 2016. *Dare to Share: Germany's Experience Promoting Equal Partnership in Families*. Paris: OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264259157-en>
- Pahl J. 1989. *Money and Marriage*. Houndmills, UK: Macmillan Education.
- Pahl J. 1995. His Money, Her Money: Recent Research on Financial Organization in Marriage. *Journal of Economic Psychology*. 16 (3): 361–376.
- Pollak R. A. 2002. *Gary Becker's Contributions to Family and Household Economics Choices*. National Bureau of Economic Research Working Paper 9232. URL: <http://www.nber.org/papers/w9232>
- Raley S. B., Mattingly M. J., Bianchi S. M. 2006. How Dual Are Dual-Income Couples? Documenting Change from 1970 to 2001. *Journal of Marriage and Family*. 68 (1): 11–28.
- Statistics Canada. 2016. *The Rise of the Dual-Earner Family with Children*. Release date: May 30, 2016. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-630-x/11-630-x2016005-eng.htm>

- Statistics Canada. 2018. *Characteristics of Families, Single-Earner and Dual-Earner Census Families*. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1110002801>
- Stier H., Mandel H. 2009. Inequality in the Family: The Institutional Aspects of Women's Earning Contribution. *Social Science Research*. 38 (3): 594–608.
- U.S. Bureau of Labor Statistics. 2014. *Working Wives in Married-Couple Families, 1967–2011*. Release date: June 02, 2014. URL: https://www.bls.gov/opub/ted/2014/ted_20140602.htm
- U.S. Bureau of Labor Statistics. 2017. *Employment Characteristics of Families. Summary*. Economic News Release, April 20, 2017. USDL-17-0444. URL: <https://www.bls.gov/news.release/famee.nr0.htm>
- Vogler C. 1994. Money in the Household. In: Anderson M., Bechhofer F., Gershuny J. (eds.). *The Social and Political Economy of the Household*. Oxford: Oxford University Press; 225–266.
- Waite L. J., Nielsen M. 2001. The Rise of the Dual-Worker Family, 1963–1997. In: Hertz R., Marshall N. L. (eds). *Working Families. The Transformation of American Home*. Oakland, CA: University of California Press; 23–41.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Tatyana Cherkashina

Personal Income of Spouses in Russian Families' Budgets in the 1990–2010s

CHERKASHINA, Tatyana — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher Department of Social Problems, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of Russian Academy of Science. Address: 17, Ac. Lavrentiev avenue, 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

Head of the Department “General Sociology”, Novosibirsk State University. Address: 1, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

Email: touch@nsu.ru

Abstract

The article presents the dynamics of the structure of budgets of Russian households, which differ in the ratio of the contributions of personal incomes and non-individual incomes. Economic relations are considered in matrimonial households in the macroeconomic and social context of the 1990–2010s. Calculations made on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the National Research University Higher School of Economics (2004–2016) show that during this time the share of “double-income” spousal households increased to 82–83%; the amount of sole financial leadership in the family of both men and women was reduced, but due to the increase in the number of women who combine employment with receiving pensions, the share of families in which women’s incomes are higher than men’s increased. Macroeconomic conditions are reflected in the level of family budgets, and the worst situation was in 1996, which was not defined as crisis in public discourse: only in 45% of families did both spouses have incomes. A similar but less dire situation is observed in 1998: among married couples, 55% had two personal incomes. The declines in real income in 2008–2010 and 2014–2016

are designated as crises, but at the micro level, they had almost no effect on the basis of families with different types of budgets. The presence of only one personal income in the family budget significantly increases the risk of poverty, with the sole financial leadership of men in poor families accounting for 45–50% and with women’s financial leadership at about 70%. The transfer system is poorly insured families in which only a woman contributes to the family budget.

Keywords: family budget structure; personal income; non-individual incomes; two-income families; economic crisis; marital households; domestic economic relations.

References

- Ashvin S. (2000) Vliyanie sovetskogo gendernogo poryadka na sovremennoe povedenie v sfere zanyatosti [The Influence of the Soviet Gender Order on Modern Behavior in Employment]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 11, pp. 63–72 (in Russian).
- Ashvin S. (2006) Gendernaya solidarnost’ protiv ekonomicheskikh trudnostey. Vliyanie sovetskogo naslediya [Gender Solidarity Against Economic Hardship. The Influence of the Soviet Heritage]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 4, pp. 57–68 (in Russian).
- Atkinson M. P., Boles J. (1984) WASP (Wives as Senior Partners). *Journal of Marriage and Family*, vol. 46, no 4, pp. 861–870.

- Balabanova V. S. (1999) Sotsial'no-ekonomicheskaya zavisimost' i sotsial'nyy parazitizm: strategii "negativnoy" adaptatsii [Socio-Economic Dependence and Social Parasitism: Strategies of "Negative" Adaptation]. *Soyssiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 4, pp. 46–57 (in Russian).
- Bank of Russia. (2018) *Pokazateli deyatel'nosti kreditnykh organizatsiy* [Credit Institutions Performance]. Available at: https://www.cbr.ru/eng/statistics/default.aspx?PrId=pdko_sub (accessed 14 November 2018) (in Russian).
- Becker G. (2003) Evolyuciya sem'I [Evolution of the Family]. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory] (trans. from English, ed. R. I. Kapelyushnikov), Moscow: HSE Publishing House, pp. 413–436 (in Russian).
- Bennett F. (2013) Researching Within-Household Distribution: Overview, Developments, Debates, and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and Family*, vol. 75, June, pp. 582–597.
- Berk S. F. (1985) *The Gender Factory: The Apportionment of Work in American Households*, New York, NY: Plenum.
- Burgoyne C. B., Clarke V., Reibstein J., Edmunds A. (2006) "All My Worldly Goods I Share with You"? Managing Money at the Transition to Heterosexual Marriage. *The Sociological Review*, vol. 54, pp. 619–637.
- Cantillon S. (2013) Measuring Differences in Living Standards Within Households. *Journal of Marriage and Family*, vol. 75, June, pp. 598–610.
- Charles N., James E. (2003) Gender and Work Orientation in Conditions of Job Insecurity. *British Journal of Sociology*, vol. 54, no 2, pp. 239–257.
- Cherkashina T. Yu. (2005) *Ekonomicheskie statusy suprugov: vnutrisemeynaya ierarkhiya* [Economic Status of Spouses: Intrafamily Hierarchy], Novosibirsk: IEIE SB RAS (in Russian).
- Davydova N. M. (2000) Glava sem'i: raspredelenie roley i sposob vyzhivaniya [Head of the Family: Distribution of Roles and a Way to Survive]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 51–57 (in Russian).
- Duflo E., Udry C. (2004) *Intrahousehold Resource Allocation in Côte d'Ivoire: Social Norms, Separate Accounts and Consumption Choices*. National Bureau of Economic Research Working Paper 10498. Available at: <http://www.nber.org/papers/w10498> (accessed 14 November 2018).
- Hakim C. (2003a) *Models of the Family in Modern Societies: Ideals and Realities*, Aldershot, UK: Ashgate.
- Hakim C. (2003b) Public Morality Versus Personal Choice: The Failure of Social Attitude Surveys. *British Journal of Sociology*, vol. 54, no 3, pp. 339–345.
- Hodge S. A., Lundeen A. (2013) *America Has Become a Nation of Dual-Income Working Couples*. The Tax Foundation. Available at: <https://taxfoundation.org/america-has-become-nation-dual-income-working-couples/> (accessed 14 November 2018).

- Ibragimova D. (2012) Kto upravlyaet den'gami v rossiyskikh sem'yakh? [Who Manages Money in Russian Households?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 13, no 3. pp. 22–56. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/en/> (accessed 12 September 2018) (in Russian).
- Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. (2016) Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey-Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the economic and health situation in Russia, 1994–2013. *International Journal of Epidemiology*, vol. 45, no 2, pp. 395–401. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5007614/> (accessed 22 September 2018).
- Laurie H., Rose D. (1994) Divisions and Allocations within Households. *Changing Households: The British Household Panel Survey 1990–1992* (eds. N. Buck, J. Gershuny, D. Rose, J. Scott), Colchester, UK: University of Essex, pp. 220–242.
- Levada Analytical Center. (2016) *Semejnye ssory i nasilie* [Family Quarrels and Violence]. Press release 04.08.2016. Available at: <http://www.levada.ru/2016/08/04/semejnye-ssory-i-nasilie/> (accessed 14 November 2018) (in Russian).
- Lezhnina Yu. P. (2016) Institut sem'i v Rossii: na puti transformatsii [Family Institute in Russia: Towards Transformation]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*, no 2. pp. 70–90. Available at: <http://www.isras.ru/snsp.html> (accessed 12 September 2018) (in Russian).
- Lundberg S., Pollak R. A., Wales T. J. (1997) Do Husband and Wives Pool Their Resources? Evidence from the U.K. Child Benefit. *Journal of Human Resources*, vol. 32, Summer, pp. 463–480.
- Lyssens-Danneboom V., Mortelmans D. (2014) Living Apart Together and Money: New Partnerships, Traditional Gender Roles. *Journal of Marriage and Family*, vol. 76, iss. 5, pp. 949–966.
- Lytkina T. S. (2004) Domashniy trud i gendernoe razdelenie vlasti v sem'e [Home Work and Gender Division of Power in the Family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 7, pp. 85–90 (in Russian).
- McRae S. (2003) Constraints and Choices in Mothers' Employment Careers: A Consideration of Hakim's Preference Theory. *British Journal of Sociology*, vol. 54, no 3, pp. 317–338.
- Mezenceva E. B., Kosmarskaya N. P. (1998) Beg po zamknutomu krugu: uroven' zhizni, mental'nye ustanovki i sotsial'naya mobil'nost' zhiteley Rossii [Running in a Vicious Circle: The Standard of Living, Mental Attitudes and Social Mobility of the Inhabitants of Russia]. *Mir Rossii = Universe of Russia*, no 3, pp. 141–188 (in Russian).
- Nesvetailova A. (2015) *The Offshore Nexus, Sanctions and the Russian Crisis*. IAI Working Papers 15. Istituto Affari Internazionali. Available at: <http://www.iai.it/en/pubblicazioni/offshore-nexus-sanctions-and-russian-crisis> (accessed 14 November 2018).
- Nock S. L. (2001) The Marriages of Equally Dependent Spouses. *Journal of Family Issues*, vol. 22, pp. 755–775.
- OECD (2016) *Dare to Share: Germany's Experience Promoting Equal Partnership in Families*. OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264259157-en> (accessed 14 November 2018).

- Pahl J. (1989) *Money and Marriage*, Houndmills, UK: Macmillan Education.
- Pahl J. (1995) His Money, Her Money: Recent Research on Financial Organization in Marriage. *Journal of Economic Psychology*, vol. 16. no 3, pp. 361–376.
- Pollak R. A. (2002) *Gary Becker's contributions to Family and Household Economics Choices*. National Bureau of Economic Research Working Paper 9232. Available at: <http://www.nber.org/papers/w9232> (accessed 14 November 2018).
- Raley S. B., Mattingly M. J., Bianchi S. M. (2006) How Dual Are Dual-Income Couples? Documenting Change from 1970 to 2001. *Journal of Marriage and Family*, vol. 68, iss. 1, pp. 11–28.
- Rimashevskaya N., Onikov L. (eds). (1991) *Narodnoe blagosostoyanie: Tendentsii i perspektivy* [People's Well-Being: Trends and Prospects], Moscow: Nauka (in Russian).
- Rosstat. (2001) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook], Moscow: Goskomstat Rossii (in Russian).
- Rosstat (2017) *Metodologicheskie polozheniya po formirovaniyu agregirovannykh pokazateley dokhodov, raskhodov i potrebleniya domashnikh hozyaystv na osnove programmy Vyborochnogo obsledovaniya byudzhetrov domashnikh khozyaystv* [Methodological Guidelines for the Compilation of Aggregate Indicators of Household Income, Expenditure and Consumption Based on the Sample Household Budget Survey Program], Decree № 226, 5 April 2017. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (accessed 28 September 2018) (in Russian).
- Rosstat (2018a) *Tseny v Rossii* [Prices in Russia]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717314156 (accessed 10 October 2018) (in Russian).
- Rosstat (2018b) *Dokhody, raskhody i potrebleniye domashnikh hozyaystv* [Household Income, Expenditure and Consumption]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (accessed 10 October 2018) (in Russian).
- Rosstat (2018c) *Trud i zanyatost' v Rossii* [Labor and Employment in Russia]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766 (accessed 10 October 2018) (in Russian).
- Rosstat (2019) *Obyem i struktura denezhnykh dokhodov naseleniya po istochnikam postupleniya. Dinamicheskiye ryady* [The Volume and Structure of Monetary Incomes of the Population by Sources of Income. Dynamic Series]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (accessed 22 February 2019) (in Russian).
- Statistics Canada (2016) *The Rise of the Dual-Earner Family with Children*. Release date: May 30, 2016. Available at: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-630-x/11-630-x2016005-eng.htm> (accessed 14 November 2018).
- Statistics Canada (2018) *Characteristics of Families, Single-Earner and Dual-Earner Census Families*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1110002801> (accessed 24 September 2018).

- Stier H., Mandel H. (2009) Inequality in the Family: The Institutional Aspects of Women's Earning Contribution. *Social Science Research*, vol. 38, no 3, pp. 594–608.
- Temkina A. A., Rotkirh A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 11, pp. 4–15 (in Russian).
- U.S. Bureau of Labor Statistics (2014) *Working Wives in Married-Couple Families, 1967–2011*. Release date: June 02, 2014. Available at: https://www.bls.gov/opub/ted/2014/ted_20140602.htm (accessed 14 November 2018).
- U.S. Bureau of Labor Statistics.(2017) *Employment Characteristics of Families. Summary*. Economic News Release, April 20, 2017. USDL-17-0444. Available at: <https://www.bls.gov/news.release/famee.nr0.htm> (accessed 14 November 2018).
- VCIOM (2018). *Ravenstvo v sem'e: otdeklaratsiy — k real'nosti?* [Equality in the Family: From Declarations to Reality?]. Press release no 3597. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (accessed 14 November 2018) (in Russian).
- Vogler C. (1994) Money in the Household. *The Social and Political Economy of the Household* (eds. M. Anderson, F. Bechhofer, J. Gershuny), Oxford: Oxford University Press, pp. 225–266.
- Vovk E. (2006) Gendernaya asimetriya i zhenskie roli v sovremennoy Rossii [Gender Asymmetry and Women's Roles in Modern Russia]. *Social'naya real'nost' = Social Reality*, no 3, pp. 61–73 (in Russian).
- Waite L. J., Nielsen M. (2001) The Rise of the Dual-Worker Family, 1963–1997. *Working Families. The Transformation of American Home* (eds. R. Hertz, N. L. Marshall), Oakland, CA: University of California Press, pp. 23–41.
- Yaroshenko S. (2013) 'Zhenskaya rabota' i lichnoe blagopoluchie: tekhnologii isklyucheniya v postsovetskoy Rossii ['Women's Work' and Personal Well-Being: Technology of Exclusion in Post-Soviet Russia], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 14, no 5, pp. 23–57. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/en/> (accessed 12 September 2018) (in Russian).

Received: November 29, 2018

Citation: Cherkashina T. (2019) Lichnye dokhody suprugov v strukture byudzhetrov rossiyskikh semey v 1990–2010-e gg [Personal Income of Spouses in Russian Families' Budgets in the 1990–2010s]. *Journal of Economic Sociology=Ekonomicheskaya sotstiologiya*, vol. 20, no 2, pp. 14–50. doi: 10.17323/1726-3247-2019-2-14-50 (in Russian).